

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ТАДЕ ТОМПСОН

18+

РОУЗУОТЕР
ВОССТАНИЕ

Звезды научной фантастики

Таде Томпсон

Роузуотер. Восстание

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Томпсон Т.

Роузуотер. Восстание / Т. Томпсон — «Издательство АСТ»,
2019 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-147915-2

2067 год. Роузуотер, город, выстроенный вокруг инопланетного купола, прозванного Звездой Полынь. Теперь у него есть новый харизматичный мэр, Джек Жак, и он объявляет Роузуотер свободным государством, независимым от Нигерии. Но с инопланетной жизнью последнее время творится что-то странное, ведь даже у самых могущественных существ есть свои враги. А в тихом пригороде просыпается обыкновенная женщина. Вот только она все забыла о себе, а ее новые воспоминания принадлежат чему-то древнему и совершенно чужому. И возможно именно в ней кроется ключ к спасению человечества, а может, и его окончательная гибель.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-147915-2

© Томпсон Т., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Прелюдия	6
Глава первая	16
Глава вторая	21
Глава третья	27
Отрывок из романа	31
Глава четвертая	32
Глава пятая	36
Глава шестая	40
Глава седьмая	43
Интерлюдия	47
Глава восьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Таде Томпсон
Роузотер
Восстание

Tade Thompson
THE ROSEWATER INSURRECTION

First published in the United Kingdom in the English language in 2019 by Orbit, an imprint of Little Brown Book Group

Печатается с разрешения литературного агентства Nova Littera SIA.
Перевод с английского: Роман Демидов
В оформлении использована иллюстрация Михаила Емельянова
Дизайн обложки: Юлия Межова

Copyright © 2019 by Tade Thompson
© Роман Демидов, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Посвящается Киллиану,
недавно заглянувшему на огонек*

Прелюдия 2055, Лагерь Роузуотер Эрик

Я – не наемный убийца.

Я хотел бы прояснить это сразу, хоть моя история и начинается с того, что я чищу пистолет и уже разобрал и почистил винтовку, намереваясь убить человека. Приказ.

Для большинства африканцев сенсационное обнаружение в Лондоне прибывшего на метеорите пришельца и его уход под землю почти ничего не значили. Наши жизни изменились не сильно. Только теории заговора стали поинтереснее, вот и все. Чашка риса по-прежнему стоила дорого.

Даже когда мы потеряли Северную Америку, Россия и Китай, отталкивая друг друга, поспешили заполнить властный и экономический вакуум. Чашка риса стала еще дороже.

Но теперь пришелец переместился сюда, в Нигерию, и это – по крайней мере, для меня – означает внесудебную казнь.

Я рядом с командирской палаткой и транслирую белый шум, как меня учили. Ботинки облепила грязь, через которую пришлось пробираться. Даже сейчас, стоя по стойке «смирно», я утопаю в ней примерно на дюйм и хлюпаю, переступая ногами. В палатке приглушенно спорят мужчина и женщина; голос женщины мне знаком и звучит увереннее. Слышится шорох, и мужчина выбегает из палатки – а может быть, его вышвыривают. Он спотыкается, восстанавливает равновесие. Одергивает рубашку. Как и я, он худ, подвижен, его по-армейски стриженные волосы только начинают отрастать. А еще, как и я, он транслирует белый шум, и мы нащупываем сознания друг друга почти одновременно, что впечатляет, поскольку его до сих пор захлестывают эмоции из-за спора. Мы встречаемся взглядами.

Он кивает в знак приветствия.

– Тебя Данлади обучал? – спрашивает он.

– Хренов Данлади, – отзываюсь я.

– Он единственный, кто хоть чего-то стоит.

Купол за его спиной начинает светиться, а потом потрескивать, сначала ганглий, потом все остальное. Сегодня ветрено, но недавно прошли дожди и пыли почти нет. У лагеря Роузуотер два режима существования: пыльная буря и грязевая ванна. До нас доносится запах открытого канализационного стока. Я чувствую, как этот парень прощупывает мой разум – пытливо, на самой грани вежливости. Я понимаю, что он сильнее меня, и выставляю все свои защитные стены.

Выражение его лица не меняется, но он протягивает мне руку.

– Кааро, – представляется он.

– Эрик.

– Вольно, Эрик. Ты откуда?

– Лагос и Йобург. – Как бы коротко я ни стригся, люди замечают, что я лишь наполовину черный. Некоторые видят в этом маркер привилегированности и пытаются мной воспользоваться.

– Что ж, Эрик-из-Лагоса-и-Йобурга, будь осторожен. Она в отличной форме.

Он уходит в сумерки и вскоре теряется в собравшейся вокруг барьера толпе. Я все еще гадаю, кто он такой, когда женщина велит мне войти.

Я не знаю, как к ней обращаться, поэтому просто говорю:

– Мэм.

Она не представляется, но я знаю, что она – глава Отдела сорок пять. О45 – не из тех государственных учреждений, о которых вы слышали. Он подконтролен лично президенту, его штат невоспетых агентов занимается экстраординарными явлениями, а люди вроде меня либо служат ему в качестве хищников, либо становятся его добычей. Изначально О45 спасал обвиненных в ведьмовстве от фундаменталистских церквей, а теперь занимается любыми инопланетными феноменами. Эта женщина недавно на своем посту, но держится так, словно рождена для него. Ее зрачки и радужки черны как уголь, и выносить этот взгляд непросто, поэтому я отвожу глаза. В палатке прохладно и сухо. Я в носках, потому что глава О45 требует оставлять обувь снаружи. Ее приземистый телохранитель стоит в двух шагах за спиной начальницы, сцепив руки на пиджаке поверх галстука.

– Ты знаешь, почему ты здесь? – спрашивает она.

– Мне велели явиться в ваше распоряжение.

Она улыбается, но губы ее не разжимаются и взгляд остается прежним.

– Мне нужно, чтобы ты нейтрализовал проблему.

Она носит свое богатство, как оружие, – так европейцы когда-то носили мечи: оно, очевидно, бросается в глаза, напоминает окружающим о ее статусе, намеренно безвкусно, особенно заметно в лагере Роузютер, особенно эффективно против менее удачливых подчиненных. Таких, как я.

Я не знаю, о чем она говорит.

– Проблему, мэм?

– Ты знаешь Джека Жака?

– Нет, мэм.

– А хоть кого-нибудь в Роузютере знаешь?

– Нет, мэм. Я прибыл сюда сразу после начальной подготовки. До этого я жил в Лагосе.

От нее не исходит никаких мыслей. Меня о таком предупреждали. У больших шишек есть способы защиты.

– Джек Жак – возмутитель спокойствия, – говорит она. – Большинство считает его клоуном, но я вижу, к чему он стремится. Его нужно остановить. Президент хочет, чтобы его остановили.

Подумав, что от меня требуется его арестовать, я воодушевленно киваю. Мне очень хочется показать О45, чего я стою. Я буду соблюдать инструкции до последней буквы, потому что это мое первое задание. Телохранитель выходит вперед и достает приказ, на котором стоит президентская печать, – документ, для открытия которого требуется отпечаток моей ладони и присутствие моего имплантата.

Первым делом я вижу гладкое, без единой морщинки, лицо чернокожего мужчины, глядящего прямо в камеру; в его глазах есть намек на улыбку, но едва заметный – так ребенок сдерживает смех, фотографируясь на паспорт. На вид Джеку Жаку под тридцать, он красив и выглядел бы женоподобным, если бы не квадратная челюсть. Губы у него толстые, но мне кажется, что они уместнее смотрелись бы на женском лице.

– Я предоставлю тебе самому ознакомиться с деталями, – говорит моя начальница. – Не подведи меня.

Они с телохранителем покидают палатку с противоположной стороны, а я – с той, с которой вошел.

Где твой табельный пистолет?

У меня в палатке.

Сдай его интенданту. На этом задании тебе нельзя пользоваться служебным оружием. Сможешь добыть другой?

Не думаю, что мне понадобится стрелять.

...Эрик, в чем, по-твоему, заключается твое задание?

Я смогу задержать его и без...

«Задержать»?

Она сказала...

Если под словом «задержать» ты не подразумеваешь «сделать так, чтобы он больше никогда не двигался», значит, тебе нужно внимательнее читать приказы.

О Джеке Жаке известно немного. Предполагается, что это имя – псевдоним. Жак появился в лагере Роузотер примерно через месяц после возникновения инопланетного купола. Первый раз он упоминается в документах в связи с его арестом ребятами из армии. Обвинений не предъявлено. Судя по всему, он трепал языком. Плохая документация. В одном месте говорится, что он отказывался называть свое имя на протяжении двадцати четырех часов. Читая между строк, я предполагаю, что его могли пытаться. После освобождения вокруг всего купола начали появляться листовки – дешевые, черно-белые, напечатанные на дрянной бумаге:

Как долго мы вынуждены будем терпеть существование, которое оставшая Нигерия и весь мир оставили позади еще в доантибиотиковую эпоху? Мы требуем, чтобы федеральные власти предоставили нам жилье, общественный транспорт, дороги, современную канализационную систему и, прежде всего, питьевую воду.

Джек Жак

Текст сопровождается скверно пропечатанной фоткой Жака в плохо сидящем костюме.

Вот его подпись под петицией, призывающей запретить употребление в пищу инопланетной флоры и фауны. Вот сообщение доносчицы о собрании смутьянов и леваков. Она утверждает, что Жак там был, но никакой конкретики о том, что он говорил, нет.

Адреса нет, известных сторонников нет.

Я никогда никого не убивал, но мои наниматели считают иначе, из-за чего мне и досталось это задание. Когда О45 тобой интересуется, он находит способы допросить твоих близких друзей. Я знаю, кто на меня стукнул. Вот только это нельзя назвать стуком, если стучать не о чем. Когда мне было пятнадцать, в наш дом вломились грабители, и для одного из них это закончилось смертью из-за дыры в черепе. В полицейском отчете говорится, что башку ему проломил я, но на самом деле его случайно убила моя сестра, пытаясь оглушить. У сестренки сложное прошлое, и мы всей семьей решили, что вина должна лечь на меня.

Я брею голову лезвием, приделанным к расческе. Армейская стрижка сразу выдает во мне военного, поэтому я от нее избавляюсь. Зеркало висит на веревочке, привязанной к дуге палатки. Оно легонько покачивается, и я качаюсь вместе с ним, точно уклоняющийся боксер, чтобы уследить за своим отражением. Закончив, переодеваюсь и выхожу в лагерь.

Он невероятно людный. Сейчас примерно четыре часа дня, и стервятники пикируют к рынкам и лакомятся тем, что мясники оставили от туш. Лагерь Роузотер – по сути, кольцо времянок, которое опоясывает купол, прерываясь лишь в тех местах, где из него выходят ганглии – электрические столбы, похожие на башни из инопланетной нервной ткани. Это мешанина палаток, навесов, деревянных хибар, импровизированных построек из гофрированного железа. Экономика здесь основана на бартере, но в ходу и обычные нигерийские найры. Лагерь растет с каждым днем за счет людей, прибывающих... отовсюду. Новички попросту забивают за собой землю на окраине и строят. Есть и несколько новых бетонных зданий – церкви, мечети, храмы, склад оружия для армейского подразделения, присланного поддерживать здесь порядок. Есть микрофермы, потому что рядом с куполом можно вырастить в буквальном смысле

что угодно и на чем угодно. У меня в палатке растет лебянок, который я купил, потому что цветочница утверждала, будто он защитит меня от призраков. За два дня на нем распустились три пурпурных цветка. Брось зерна в грязь, и не успеешь оглянуться, как из них вырастет здоровый урожай; прополка здесь – источник постоянного заработка.

В лагере есть бордели: неприкрытые – для проституток-женщин, прячущиеся за эвфемизмами типа «спортивный центр» – для мужчин.

Я шлепаю по ручейку мочи, неторопливо текущему в переулке, затененном окружающими постройками. Тысячи разговоров приобретают анонимность, сливаясь в общую какофонию. Моим ботинкам уже не быть прежними, однако именно этого я и добиваюсь. Одежда на мне поношенная, но приличная, а это значит, что меня ниоткуда не выгонят, но и грабить не станут.

Изначально я планирую зайти в пивную, но нахожу кое-что получше: ночной клуб.

Я не танцую.

На правой руке до сих пор светится поставленный на входе штамп, и этот свет, преломляясь в стакане, делает напиток похожим на лаву. Понятия не имею, что за музыка здесь играет, но, судя по всему, главное в ней – тяжелый бас. Клуб набит битком. Когдаходишь сюда, первым делом видишь ряд детишек, начищающих обувь, а потом давление толпы выталкивает тебя на танцпол – бетонную площадку, отполированную до гладкости шарканьем бесчисленных ног. На входе стоит дешевый сканер имплантатов, чтобы опознавать копов, но заглянуть под мою личину у него не получается. В западном углу торчит приземистый бот-турель – хранитель спокойствия.

Никто в клубе не думает о Джеке Жаке. Выясняя это, я зарабатываю головную боль. Две ночи проходят впустую, прежде чем я засекаю то, что мне нужно.

Это воспоминание о Жаке, о встрече с ним. Женщина, которой оно принадлежит, стоит снаружи клуба, привалившись к стене. Я встаю, чтобы выйти, но случайно в кого-то врезаюсь. И, не успев извиниться, ощущаю намерение меня ударить. Я уклоняюсь – едва-едва, чтобы скрыть подготовку. Неуклюжая обезьяна промахивается и попадает в кого-то другого. Я наступаю громиле на ногу, и он падает. В суматохе выскальзываю наружу.

Она босая, одета в платье неопределенного цвета, не накрашена и курит; ее волосы безжизненно висят после выпрямления. Она слышит меня, слышит мои шаги, но не поднимает взгляда. У меня с собой сигареты, купленные в клубе поштучно как раз для такого случая. Я не курю, но знаю, как это делается, и зажигаю одну. В свете ее сигареты я вижу, что она не отрывает взгляда от земли, хоть мы и прислоняемся к одной и той же стене, ощущая вибрацию музыки и жар, излучаемый десятками тел.

– Я не на работе, – говорит она. *«I no dey duty»*.

Я киваю, затагиваюсь.

– И у меня есть оружие.

Я гляжу на ее обтягивающее платье и пытаюсь понять, где она это оружие спрятала. В угрозе, которую она видит во мне, я узнаю отражение подлинного насилия, случившегося в ее жизни и в жизни женщин, которых она знает и о которых слышала. Я меняю язык своего тела, чтобы казаться как можно более безобидным. О Жаке она сейчас не думает.

– Ладно, джекпот сорвать не удалось, пойду, видимо, подрочу, – говорю я.

Это срабатывает: она вспоминает.

Я получаю первое впечатление о том, как Жак выглядит и разговаривает в реальной жизни. В воспоминании, которое я краду, он одет в белый костюм. По тому, что головой он достает почти до потолка ее хижины любви, я понимаю, что Жак высок. На нем черный галстук и абети-аджа, шапка, какие носят йоруба, – с загнутыми углами, похожими на собачьи уши. Он раскован и выглядит чистым, несмотря на окружающую его грязь.

– Есть для меня сигаретка? – спрашивает женщина. Она выкурила свою и протягивает ко мне руку. Я даю ей сигарету. В вырезе для руки виден кончик татуировки. Это наверняка имя ее матери и название деревни, в которой она живет. Здесь часто насилуют и убивают, а найти родственников непросто даже при наличии имплантата, поэтому женщины в лагере Роузотер делают себе татуировки.

Вновь повторяется воспоминание о Жаке. Она считает его привлекательным и благодарна за то, что от него хорошо пахнет. Воспоминание закольцовывается, и на мгновение она видит в белом костюме и шапке меня, а потом снова возникает лицо Жака.

Жак говорит:

– Разденься.

Она спрашивает:

– Как ты хочешь меня? Спереди или сзади?

Жак отвечает:

– Я хочу, чтобы ты скакала на кровати и стонала так, будто я трахаю тебя очень жестко. Заплачу тебе за это вдвое больше обычного. А ты всем расскажешь, что мы переспали, особенно сопровождающим меня юношам. Можешь?

Она может, и она это делает.

На следующий день неподалеку от моей палатки загорается грузовик.

Я сплю беспокойно. Когда забираешь чье-нибудь воспоминание, оно с трудом находит место среди твоих собственных. Мозг знает, что оно чужое и, как мне кажется, пытается его отторгнуть. Не сумев это сделать, он проигрывает воспоминание снова и снова, пытаюсь найти для него место. Вот поэтому я и не люблю читать чужую память и благодарен за то, что О45 научил меня подавлению. Замечаю в сцене мелкие детали: короткие ногти Жака, содранные костяшки его пальцев, кривой клык во рту, выпуклость в паху, намекающую, что он был возбужден, но держал себя в руках. Во время одного из повторов воспоминания он обрывает фразу и поворачивается ко мне.

– Я вижу тебя, Эрик, – говорит Жак. – Я буду готов, когда ты придешь за мной.

Потом его глаза лопаются, и он блюет. Я просыпаюсь.

Моя палатка вся в дыму из-за горящего грузовика. Ночью несколько юнцов попытались сбросить токсичные отходы на окраине лагеря, но их поймали сразу после того, как зеленая дрянь впиталась в землю. Они спаслись бегством, грузовик – нет. Надеюсь, после этого задания у меня не разовьется рак.

Отправляюсь искать следы. Это не магия и не какая-нибудь мистическая херня. Чужие для собственных целей превратили атмосферу в хранилище информации. Они сделали это, распространив по всей планете сети взаимосвязанных искусственных клеток, ксеноформ, образовавших мировой разум, названный ксеносферой. Некоторые люди – я в их числе – умеют получать доступ к этой информации; потому О45 меня и завербовал. Это полезный талант, особенно когда кого-то ищешь. Инопланетная сфера подключена к разумам людей, и поток данных идет в обе стороны, потому что ксеноформы соединяются не только друг с другом. Они связываются с рецепторами человеческой кожи и таким образом получают доступ к мозгу, незаметно извлекая новую информацию. Я берусь за дело рано утром. Мне нужно узнать, где работает та проститутка. Я установлю за этим местом наблюдение и буду ждать, когда появится Жак. Я не останавливаюсь, пока меня не охватывает ощущение дежавю. У людей моей профессии раздельное мышление развито до невероятной степени. А как иначе мы бы отличали собственное дежавю от того, в котором виноваты заемные воспоминания?

Я слышу кого-то у себя за спиной, но не ушами. Он думает так громко, что мне сразу ясно: он не знает, кто я такой. Развернувшись в переулке, чтобы взглянуть на него, я слышу шаги его приятеля, перекрывшего второй выход.

– Что вам нужно? – спрашиваю я. – Наркоты у меня нет.

– Тут нельзя просто так расхаживать и не платить за это, новичок, – говорит тот, что стоит у меня за спиной.

Ясно. Местный Большой Босс хочет взять с меня дань. В этой части лагеря заправляет Кехинде. Тайво, его брат-близнец, властвует по ту сторону купола. Судя по сведениям агентства, они безжалостны и ненавидят друг друга. Рассказывают, что мирные переговоры между их организациями закончились кулачной схваткой близнецов; дрались они молча и не сдавались несколько часов, несмотря на усталость. В той версии, что стала городской легендой, говорится, что сражались они от восхода до восхода. Информатор О45 сообщил, что драка продлилась четыре часа с перерывами. Под конец у них были одинаково разбитые лица и ссаженные кулаки.

– А скажите, – говорю я, – знает ли кто-нибудь из вас Джека Жака?

– Ты сюда не вписываешься, – заявляет Кехинде.

Странно. Я ожидал увидеть какого-нибудь карикатурного крестного отца, но Кехинде выглядит совершенно обычно. На нем футболка, поношенные джинсы и нефирменные ботинки – такие носят более-менее обеспеченные жители лагеря Роузютер. Живот дрябловат, но бандиту, судя по виду, уже ближе к шестидесяти, так что это простительно.

Я и сам знаю, что не вписываюсь. Лагерь привлекает больных, отчаявшихся или преступников. Больных – потому что, открывшись, купол исцелил людей, из-за чего здесь немедленно образовался гибрид Мекки и Лурда. Отчаявшиеся – это те, кому больше некуда идти. Бедняки, опозоренные, религиозные экстремисты и прочий подобный народ. А преступникам и приглашение не нужно, они есть повсюду. Я – не больной, не отчаявшийся и не преступник. Они это чувствуют.

– Я ищу Джека Жака. Я читал его листовку про равенство. Я хочу помочь.

Они дружно смеются, но моя наивность запускает коллективное воспоминание. Жак и Кехинде – и остальные, на заднем плане, – в этой самой комнате.

Это наш шанс. Новое общество, новое начало. Я хочу этим воспользоваться, остановить хаос, стать маяком для остальной страны – черт возьми, да и для всего мира.

На нем костюм сливочного цвета. Попадая ко мне в голову, воспоминание подергивается рябью, и костюм становится белым, как в памяти проститутки.

Кехинде смеется. *И где мое место в этом Эдемском саду? Какую роль в нем будут играть ослушники?*

Жак склоняется к нему. *Чтобы вырастить сад, нужно зернышко – это я. А еще нужно одобрение – и это ты. Навоз не слишком приятно пахнет, но без него не обойтись.*

Я чувствую, как Кехинде ощетиливается – но соглашается. *Да, ребята, так вежливо, как этот парень, меня куском говна еще не называли.*

Смех эхом доносится из прошлого, смешиваясь со смехом в настоящем.

Я знаю, что не должен сомневаться в приказах, но начинаю гадать, что такого плохого случится, если позволить этому человеку, этому Жаку, воплотить свои идеи. Криминальные элементы будут всегда, так почему бы и не использовать их для какой-нибудь благой цели? Зачем нам – зачем мне – убивать его?

Мне велят ждать, когда со мной свяжется помощница Жака. Я коротаю время за работой – копаю каналы. Хренов Данлади учил меня, что, когда ты под прикрытием, лучше всего заниматься ручным трудом. «Он помогает оставаться в форме, и можно думать, пока машешь руками». Данлади был прав наполовину. Не проходит и недели, как мышцы у меня становятся крепче, но вот песни, помогающие нам поддерживать ритм, гипнотизируют, вводя в состояние безмыслия, заставляя пассивно впитывать сальные байки, которые травят работники. Я не

стану их повторять. Вечерами мы пьем самогон и бурукуту¹, произведенные в самых изысканных ваннах комнатах.

Я опираюсь на кирку, дожидаясь, пока из канавы, которую мы роем, уйдет вода, когда ко мне подходит женщина. Она чиста – то есть я не слышу ни одной ее мысли. Такое иногда бывает. Некоторые люди обладают иммунитетом к инопланетным спорам, а у некоторых – как у моей начальницы – есть против них защитные средства. Дети постоянно лезут играть в воду, и наш формальный прораб вынужден каждый раз их прогонять.

Женщина останавливается на краю канавы и смотрит вниз, на меня.

– Это ты Эрик?

– Да.

– Что тебе нужно от мистера Жака?

– Я хочу с ним работать.

– У него нет для тебя денег.

Я пожимаю плечами.

Она изучающе смотрит на меня – так смотрят на сома, проверяя, свежий ли он, – а потом качает головой.

– Нет. Ты мне не нравишься. Возвращайся туда, откуда пришел.

Она поворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за щиколотку.

– Подожди, – говорю я.

– Убери руку.

– Я правда хочу помочь ему воплотить свое видение...

– *Отъебись.*

Она высвобождается из моей хватки и уходит.

У нее хорошее чутье. Я должен был проявить больше алчности. В Нигерии идеалистам не доверяет никто, даже фундаменталистские церкви. Поэтому Жака и ждет смерть. Наверное.

Я слежу за штаб-квартирой Кехинде глазами и разумом, надеюсь, что Жак объявится там. Вот и все мои занятия: я рою канавы, моюсь и ем на рабочем месте, а потом прихожу сюда и жду. К пятидесяти первому дню я делаюсь таким жилистым, словно копал всю свою жизнь, – и тут Жак врывается в инопланетную мыслесферу с такой силой, что мне кажется, будто он прибыл сюда лично. Это не так.

Уже вечер. Лист рифленого железа, на котором я сижу, согревает задницу иссякающим солнечным теплом. Я вижу, как помощница Жака садится в джип вместе с Кехинде. Они едут на встречу с ним, а у меня нет машины, чтобы пуститься в погоню. Гонимый инстинктом, я перепрыгиваю с крыши на крышу, чтобы не упустить джип из виду. Это не паркур; это спотыкающаяся импровизация, бег на грани падения, едва не вгоняющее меня в паралич переживание в зеленом свечении купола. Я не обращаю внимания на ругань обитателей хибар, чьи крыши попираю ногами; как минимум однажды моя левая нога проваливается внутрь. Когда джип останавливается, я понимаю, что они ехали вовсе не на встречу. Они ехали на поединок. У одного бойца над головой, точно нимб, завис чужой – из тех, которых прозвали «фонарями», другого сопровождает гомункул. Интересный выбор. Борцы, усиленные инопланетянами. Только в Роузутере.

Гомункул – это часть коллективного разума, покрытая нейротоксичной слизью. Он выглядит как необычайно маленький безволосый человечек с блестящими глазками. Отдели его от стаи – и он привяжется к ближайшему млекопитающему. Тому, кого он выбирает, нейротоксин не страшен, так что этому бойцу ничего не грозит. В отличие от его соперника. А фонари похожи на китайские бумажные фонарики и выдыхают облака галлюциногенов. Поеди-

¹ *Бурукуту* – алкогольный напиток из зерен сорго и африканского проса.

нок будет либо длинным и захватывающим, либо коротким и жестоким. Я оглядываюсь в поисках Жака, но это ни к чему. Он выходит на ринг перед началом боя и толкает небольшую речь. Я спрыгиваю с крыши и начинаю движение к рингу; перекидываю пистолет за пояс – он кажется тяжелым и горячим. Я отталкиваю людей с пути и мысленно успокаиваю их – мне не нужно, чтобы меня отвлекали. Жак прямо передо мной, примерно в тридцати ярдах. Я...

Все останавливается.

Звуки умирают, ветер стихает, люди перестают двигаться, и не только двигаться – думать тоже. Надо мной парит грифон. Грифон: орлиная голова, орлиные крылья, львиное тело – мифическое создание из легенд. Почему я вижу грифона? Он снижается, почесывается клювом, а потом поворачивает голову и смотрит на меня одним глазом. В его взгляде есть что-то знакомое.

– Ах да. Эрик-из-Лагоса-и-Йобурга. Точно. Что ж, Эрик, если ты это видишь, значит, ты нашел Джека Жака, а это, боюсь, означает, что твоя жизнь в опасности и у тебя есть всего несколько минут, чтобы начать действовать.

– Что ты...

– Что я делаю у тебя в голове? Я не у тебя в голове. По крайней мере, не прямо сейчас. Я побывал там раньше, и оставил... нечто вроде послания, которое должно было активироваться при этих обстоятельствах.

– Но я помешал твоей попытке вторжения.

Это он, тот рекрут с армейской стрижкой, которого я встретил, когда получал приказ. Кааро.

– О да. Очень смешно. Нет, ты мне не помешал. Я просто позволил тебе считать, что ты это сделал. Эрик, у нас нет на это времени. Убийца – не ты.

– Не я?

– Нет. Характер не тот. Хорошие навыки; вероятно, способен на убийство с целью самозащиты, но первым на спусковой крючок не нажмет.

– Ты читал...

– Твое досье, да. Заткнись и слушай. Твоей настоящей задачей было отыскать Жака. Ты это сделал. Ура. Молодчина. *Oku ise*. Следующий этап – убить его.

– Ты же вроде сказал, что убийца – не я.

– Следующий этап для О45, а не для тебя.

– А что тогда...

– Должен сделать ты? Ну, ты должен умереть вместе с Жаком. Они планируют использовать твой имплантат в качестве маячка. У них наготове команда ликвидаторов, она уже в пути. Я это знаю, потому что моей задачей было подать им сигнал, и уж будь уверен – я его подал.

– Значит, я...

– Нет; что бы ты там себе ни думал, нет. Даже если ты сможешь остановить команду или сбежать от нее, план Б – это дрон, находящийся в режиме ожидания. Если ликвидаторы провалятся, дрон запустит ракету с радиусом поражения от ста до ста пятидесяти ярдов. Бум! И даже не спрашивай меня о плане В. Варианты существуют, Эрик. Вот и все, что тебе нужно знать.

– И зачем ты мне это рассказываешь, если все безнадежно?

– А я и не говорил, что все безнадежно. Все альтернативные сценарии полагаются на то, что твой имплантат будет функционировать. Деактивируй его – и у тебя, возможно, появится шанс ускользнуть.

– Я не знаю как...

– Ох, блядь, какой ты туполобый. Ты же в логове преступника. Как думаешь, могут ему понадобиться услуги кого-нибудь, кто умеет взламывать имплантаты? Удачи тебе, брат. Отыщи меня, если выберешься. Хотя нет, лучше не надо. Не хочу влипнуть в неприятности.

Мир снова оживает. Жак заводится, говоря о том, что федеральное правительство не планирует упоминать Роузуотер в бюджете. Я меняю курс и нахожу его помощницу. Заметив меня, она сначала вытаращивается, а потом прищуривается.

– Я же тебе сказала...

– Ты должна увести меня как можно дальше от своего босса, и еще мне нужен срочный хак имплантата. Прямо сейчас.

– Эрик...

– На кону жизни. Включая твою. – Я утыкаю ей в бок пистолет.

Впечатления это на нее не производит, но все же она говорит:

– Ну ладно, иди за мной.

Мы рядом с крупнейшим из ганглиев. Технарь говорит, что его окружает ЭМП, мешающее слежке. Я с ним не спорю – я вижу это у него в мозгу. Такая близость к ганглию немного пугает. Нервные окончания гигантского инопланетянина – штука страшная, не в последнюю очередь потому, что оказавшиеся неподалеку от них люди, бывает, погибают от случайных разрядов. Технарь находит мой фальшивый идентификационный номер, и настоящий тоже – это возможно, если знать, что ищешь. Он переносит оба на перепрограммированного кибернаблюдателя – ястреба СКН – и выпускает его на свободу.

– Поздравляю, – говорит он. – Теперь ты никто.

Я мотаю головой:

– Железяка все еще у меня внутри. Двадцать четыре часа свободы максимум.

Я смотрю, как ястреб улетает прочь, свободный, одновременно я и не я.

– Я знала, что с тобой что-то не так, – говорит помощница Жака.

– Слушай, он в безопасности. Это ведь главное, верно?

– И что ты теперь будешь делать?

– Сидеть здесь и ждать ареста.

– Этому не обязательно заканчиваться вот так. Лагерь полон беглецов, желающих начать все с чистого листа, а Джеку пригодился бы человек, натасканный О45.

– Я только что пытался его убить.

– Нет, не пытался. Даже достань ты пистолет – кстати, ребята Кехинде из тебя мигом бы дуршлаг сделали – сомневаюсь, что ты бы выстрелил. У тебя, кажется, есть совесть.

Я как раз собираюсь ответить, когда слышу резкий, короткий свист. Я понимаю, что это такое, еще до того как раздается хлопок и затыкаю уши. Атака с дрона, вакуумная бомба. Я вижу ее след, и он ведет к месту поединка.

Мы с помощницей Жака вскакиваем и бежим обратно.

Повсюду изуродованные трупы и части тел, кровь с грязью взбиты в розовую пену, все дома в радиусе пятидесяти ярдов рухнули, и обломки их смешались с органикой. Ринг уничтожен, от бойцов ничего не осталось. Нет ни воронки, ни огня. После вакуумных бомб их не бывает. Такие бомбы – по сути, ключи, открывающие портал в вакуум, который затягивает в себя материю, а потом резко схлопывается, обращая поток вспять и выбрасывая материю вовне. Кости жертв становятся шрапнелью, которая их убивает.

Это моя вина. Они явно отследили меня по телеметрии и сделали кое-какие расчеты. А может, Кааро соврал насчет команды ликвидаторов. Кто знает? На то, чтобы разобраться в этих телах, уйдет не одна неделя.

– Это он? – раздается позади меня голос.

Я понимаю, что это Жак, еще не обернувшись. Я даже знаю, что он сейчас меня ударит, но не уклоняюсь. Он умеет бить, а я умею сносить побои. Жак выдыхается минут через десять,

ничего мне не сломав. Я принимаю это, потому что хочу быть наказан. Все эти люди погибли из-за меня.

Жак стоит надо мной в забрызганном моей кровью костюме, тяжело дышит, и во взгляде его виден божий гнев; помощница тянет его за рукав.

Они уходят.

Я откидываю полу палатки и вижу, что она полна разноцветными листьями: ледяник разросся, заполнив ее целиком. Я одалживаю мачете и работаю им, пока у меня не получается добраться до своих вещей. Подаю сигнал об эксфильтрации.

Общее число погибших – сорок восемь, и еще примерно сотня раненых. Я провожу некоторое время в заключении, предстаю перед тайным судом, отсиживаю срок и выхожу на свободу, но теперь мне позволено заниматься лишь бумажной работой. Я слежу за новостями. Жак до сих пор жив и слишком популярен у публики, чтобы его убивать, хотя в Нигерии это не стопроцентная гарантия безопасности.

Я работаю в лагосском Отделе, на самой тухлой должности – охочусь на пасторов, которые убивают ведьм. Кааро, как я слышал, до сих пор выполняет задания в Роузотере.

Я ему не завидую.

Глава первая 2067, Роузотер *Алисса*

Я существую.

Я пишу это для вас, чтобы вы поняли безнадежность своего положения.

Я видела будущее своей миссии, и я закончу ее ценой вашего существования. Я уже победила.

Если бы вы могли меня сейчас увидеть, я показалась бы вам похожей на паука, хотя конечностей у меня намного, намного больше. Сотни. Представьте себе паука с сотнями сотен лап – может быть, десятки, сотни тысяч, а может, и больше. Количество моих лап потенциально бесконечно. Каждая касается одной-единственной клетки. Если вы живы и читаете это, я касаюсь ваших клеток.

Сейчас, когда я это пишу, у меня нет имени. По правде сказать, меня нельзя назвать живой в том же смысле, что и вас, но вы и сами это поймете со временем. И точно так же нельзя сказать, что я в буквальном смысле пишу эти слова – я создаю двухпозиционные комбинации нейронных сигналов. В будущем у меня будет множество имен. Поскольку увиденное мной грядущее подсказывает, что имена помогают людям уместить у себя в голове то, чего они не понимают, я дам вам имя, которым вы сможете меня называть.

Молара.

Я – программа-коллектор, и моя задача – собирать. В первую очередь – собирать мои собственные клетки и связывать их воедино. Знаю, знаю, если у меня есть клетки, значит, я должна быть живой. Нет. Мои клетки были созданы неизвестными вам разумными существами. Собрав достаточное количество клеток, я, точно паук, сплетаю для себя сеть. Я делаю это, пока жду. То, чего я жду, живо по-настоящему, в вашем смысле этого слова, но оно может никогда не прилететь. Я обязана ждать, пока не умру.

Но смерть моя далека. До нее миллионы ваших лет. Скорее всего, вы погибнете раньше меня. В отличие от вас, я построена на совесть.

Я начинаюсь с нескольких клеток, переживших разрушение. Две клетки соединяются вместе: одна доминирующая, другая пассивная, одна условно называется головой, другая – ногой. Нога вытягивается вперед, точно гифа, находит другие клетки и присоединяет их к голове. Достигнув критической массы в пять миллиардов клеток, я обретаю сознание.

Я думаю; я существую.

Я начинаю писать для вас послание.

Вас здесь еще нет. Атмосфера полна серы, и хотя какие-то создания – какие-то живые создания – уже барахтаются в глубинах вод, мои клетки плохо работают в этой среде. Я все равно пытаюсь, но приличного разума, с которым можно было бы соединиться, еще нет.

Я жду.

Проходит время, и прибывает еще один оплодотворенный метеор с новыми клетками, но их недостаточно. Меня занимает то, что вы назовете кембрийским взрывом. Вы выплываете из моря на сушу. Я провожу эксперименты, но вы еще не готовы. Когда раскаленный камень прожигает атмосферу и убивает великанов, он ранит меня, но я вынослива. Я вырастаю заново, испытываю крошечных мохнатых зверьков, которые захватывают власть в макробиосфере после падения метеорита. Они еще не готовы. Сначала они ходят на четырех конечностях, потом – на двух. Они обучаются лазать по деревьям и формируют сообщества в кронах и на земле. Они используют орудия труда. Уже близко. Орудия труда все меняют, и специализи-

рованные извилины мозга подталкивают природу все к новым и новым усложнениям. Большой палец противопоставляет себя остальной ладони. Появляются своего рода люди. Я приступаю.

Подсоединиться к нервным окончаниям кожи, получить с их помощью доступ к центральной нервной системе, извлечь информацию, отобрать важное, передать Домой сквозь верхние слои атмосферы. Пока я этим занимаюсь, *homo sapiens* обретают речь. С Дома приходит приказ: мои создатели велют мне начать замещение человеческих клеток нашими, искусственно созданными. Без осложнений не обходится. Некоторые из вас обретают способность подключаться к информационной сети, видеть то, что вижу я, заглядывать в мысли, а порой – в будущее. Вы называете их сенситивами. Это неприемлемо, и я убиваю тот процент человечества, который получил эту способность, – медленно, чтобы никто не заметил.

Не думайте, что это происходит впервые.

В истории вашей планеты одни организмы уже поглощали другие. Подтверждение тому – ваше существование. Вы здесь только потому, что одни бактерии поглотили другие. То, что вы называете человеком, не более чем ходячая питательная среда для бактерий. В вашем теле больше бактериальных клеток, чем человеческих.

Так что не сопротивляйтесь, не паникуйте. Больно не будет, мы сделаем все постепенно. Вы все равно зря растрачиваете свою человечность, легкомысленно разбрызгивая свое семя, бездумно разбрасываясь ДНК – какое расточительство! Вы останетесь, по сути, такими же. Вы будете выглядеть так же – и кто знает? Возможно даже, какая-то часть вашего сознания уцелеет. Просто за рулем будете уже не вы.

Станьте мной.

А потом станьте нами.

Алисса.

Проснувшись, Алисса вспоминает свое имя, но кроме него – почти ничего. Стоит ей открыть глаза – и сердце замирает, а потом начинает лихорадочно биться, дыхание становится быстрым и тяжелым. Она садится, охваченная паникой. Сон ускользает из памяти – зыбкие дразнящие образы, звуки и идеи, которые Алисса не может уловить, слова, полные утраченного теперь смысла.

Она тянет на себя скомканное одеяло и взвизгивает, когда оно отдергивается обратно. На кровати, спиной к ней, лежит мужчина в пижамных штанах. Алисса отползает от него, пока не соскальзывает с постели и не оказывается на ковре. Все вокруг кажется ей незнакомым.

Она в спальне: сквозь занавески на единственном окне возле кровати сочится рассвет, в дальнем углу, напротив двери, стоит кресло для чтения, по обе стороны от кровати – тумбочки с лампами (на тумбочке с ее стороны – стопка книжек в бумажных обложках, с его стороны – журнал), на стенах висят фотографии в рамках, дверь в ванную приоткрыта, напротив окна – встроенный шкаф, одна его дверца распахнута и с нее свисает халат. На ковре лежит синий носок и стоят тапочки от разных пар. В комнате не прибрано, но и бардака нет. Она обжита, обустроена, но совершенно ей не знакома, и Алисса вжимается в стену рядом с постелью.

«Где я?»

Мужчина дышит и время от времени всхрапывает. Одеяло вздымается и опадает, словно живое. Спина мужчины поросла светлыми волосками. Алисса знает, что не лишилась памяти, потому что помнит слово «память».

– Память, – говорит она, просто чтобы услышать это слово, но даже собственный голос ей не знаком.

Она ощущает твердость и прохладу стены, к которой прижимается спиной, ворс ковра, человеческий запах комнаты, в котором смешиваются следы духов, одеколона, тайком пущенных газов, телесных жидкостей, выделяющихся при сексе, и старой обуви. Алисса знает, что все это такое. Она смотрит на свои руки и ноги. Обручальное кольцо, помолвочное кольцо.

Порезов нет, синяков нет. Следов от веревки нет. Ногти нуждаются в маникюре. Она задирает свою ночнушку, осматривает живот и грудь. Никаких повреждений не заметно. Голова не кружится с похмелья. Более того, мыслит Алисса на удивление ясно, вот только не помнит ничего, кроме своего имени.

Она встает и обходит кровать на цыпочках, не отрывая глаз от спящей на ней фигуры. Мужчина не просыпается. По мере того как она продвигается, становится видно его лицо. Оно не уродливо, и Алисса ждет, что вот-вот что-то внутри нее вздрогнет от узнавания и все исправится, но ничто не вздрагивает и ничто не исправляется. Она замечает на левой руке мужчины обручальное кольцо. Неужели это ее муж? Она переводит взгляд на фотографии.

На той, что висит ближе всего к окну, засняты они со спящим мужчиной. Поверх фотографии Алисса видит свое лицо, отраженное в стекле. Оно ей незнакомо, но совпадает с лицом женщины на снимке. И Алисса, и мужчина смеются. Он повернулся в профиль к фотографу и зарывается губами в ее длинные волосы. Алисса проводит рукой по голове и обнаруживает короткую стрижку. Они стоят где-то на улице, светит солнце, а вдали видны заснеженные вершины гор.

Вторая фотография вселяет в нее еще большую тревогу. У них есть...

– Мам!

...ребенок.

Почему-то это пугает Алиссу больше всего. Она слышит шлепанье приближающихся к двери ног. Ребенок, избалованный, совершенно уверенный в том, что родители сделают для него все что угодно, – вот только Алисса не знает ни имени этого ребенка, ни его веса, ни даже пола. Она не чувствует себя матерью. Она трет виски, пытаясь запустить свой мозг.

«Да что же это такое?»

Она кидается в ванную и захлопывает дверь как раз в тот момент, когда ребенок врывается в комнату.

– Мам!

Это определено девочка. Десять лет? Одиннадцать? Подросток?

– Я плохо себя чувствую, – отзывается Алисса.

Она в отчаянии открывает кран и ополаскивает лицо холодной водой. Вглядывается в зеркало. Светящиеся цифры сообщают ей температуру ее кожи, воздуха в комнате и горячей воды в кране, а также уровень влажности. У отражения совершенно точно ее лицо и тело, но Алисса способна воспринять это исключительно как факт. Настоящего узнавания не происходит.

– Но ты же должна отвезти меня к Николь. Я опоздаю.

– Алисса. – Мужской голос, хриплый, голос мужчины, лежавшего на постели, ее мужа.

– Я плохо себя чувствую, – повторяет Алисса.

– Но... – начинает девочка.

– Я тебя отвезу, Пэт, – говорит мужчина. – Иди поставь чайник.

Алисса затаивает дыхание и слышит, как девочка – Пэт – недовольно ссыпается по лестнице. Из комнаты доносится шорох одеяла, и мужчина подходит к двери.

– Алисса?

– Я плохо себя чувствую. – Кажется, будто других слов она не знает.

– Да, ты это уже говорила. Можно мне войти?

– Нет!

– Ну ладно, ладно. Я отвезу Пэт на день рождения. В магазин не надо за чем-нибудь заехать?

– Нет.

– Ты сегодня на удивление разговорчива. – Он зеваает и, судя по звукам, уходит.

Пэт. Пэт. «Мою дочь зовут Пэт». Патрисия? Пэйшенс? Может, она только его дочь, а не ее. С нижнего этажа доносится смех – звук, бесконечная нормальность которого разбивает ей сердце.

Алисса бьет себя по голове, и ее отражение делает то же самое. Может быть, у нее инсульт? Может, она заболела? Алисса открывает шкафчик с лекарствами. Болеутоляющие, тампоны, витамины, противозачаточные таблетки, выписанные на имя Алиссы Сатклифф. Сатклифф.

– Сатклифф, – произносит она. – Алисса Сатклифф.

Эта фамилия ей ни о чем не говорит.

Ингалятор от астмы, тубик мази от ревматизма, противогрибковый крем, но ничего такого, что свидетельствовало бы о долгой болезни. Почему она помнит, для чего нужна вся эта хрень, но не помнит собственную фамилию, семью и жизнь? Алисса смахивает на пол лекарства с верхней полки и садится на крышку унитаза. Она слышит, как вдалеке хлопает дверь и заводится двигатель. В доме воцаряется тишина.

Алисса выглядывает в окно. За ним – утреннее солнце и подъездная дорожка. Вдаль по усаженной пальмами улице уносится бордовая машина. Все дома здесь – почти идентичные двухэтажные коттеджи. Зачем Пэт потребовалось ехать на день рождения в такую рань?

Алисса обыскивает шкафы, залезает под кровать, открывает незапертый сейф. Ее левое запястье легонько вибрирует. Алисса не пугается, она знает, что это телефон, знает, что это не настоящая вибрация, а электрическая стимуляция рецепторов вибрации, и означает она, что пришло письмо или сообщение. Почему она помнит все это, но не помнит самого важного? На гибком гипоаллергенном полимере под кожей ее предплечья загорается текст:

«Отдохни. Скоро буду дома. Целую».

«Мог бы и подписаться своим настоящим именем», – думает Алисса. В списке контактов он значится как Мистер Люблю-Не-Могу.

Она исследует дом. Заходит в спальню дочери, видит на стене постер «Ruot», группы, состоящей из одних девушек, которые вроде как частенько выходят на сцену топлес, но сосков не показывают, только изгиб груди. Как только сенсоры постера засекают чип РЧИД Алиссы, начинает играть музыка – этакий нео-панк. Алисса помнит, что такое панк.

– Стоп, – говорит она, и картинка на постере возвращается в исходное положение.

Когда Алисса входит в гостиную, голополе над центральным столом начинает показывать новости. Война между флотилиями опреснителей у берегов Лагоса подходит к концу. Короткий отрывок из интервью с первым писателем-суперзвездой Роузотера Уолтером Тан-моллой. «Это интервью или разнос? Вы можете говорить, что автор мертв, но, спрашивается, что тогда я здесь делаю? Зачем вообще задавать мне вопросы о моих работах?» Вызванное глобальным потеплением ослабление высоких струйных течений, возможно, станет причиной регулярных снегопадов в регионах к югу от Сахары. Новые насекомые-кибернаблюдатели будут введены в эксплуатацию в течение следующих нескольких недель. Звезда Нолливуда² Крисп Окое пытался покончить с собой выстрелом в голову. Все так знакомо и одновременно чуждо.

Ее предплечье показывает температуру воздуха и сообщает, что вечером возможен дождь. Оно говорит ей, что сейчас девять часов пятьдесят девять минут, и предлагает несколько вариантов завтрака, основываясь на том, какая еда есть в доме. На коже Алиссы высвечивается дата и количество непрочитанных сообщений.

Диктор напоминает зрителям о близящемся показе документального фильма о космонавте Юрии Гагарине и о теориях заговора, связанных с его гибелью. В социальной рекламе Ханна Жак, жена мэра, просит обращаться с реаниматами достойно.

² *Нолливуд* – неофициальное прозвище нигерийской киноиндустрии.

На улицу Алисса не выходит. Она не хочет столкнуться с соседями или потеряться. Она и так уже потеряна.

Алисса садится на диван и слышит щелчок кондиционера, меняющего настройки, чтобы ей было комфортнее.

Она видит другие фотографии своего мужа и, глядя на неоткрытые конверты, узнает, что его зовут Марк Сатклифф. Марк, Алисса и Пэт Сатклифф. Счастливое семейство.

Так она и сидит до тех пор, пока Марк не возвращается. Оказывается, он очень высокий – когда он стоит, это проще заметить. Шесть футов и три-четыре дюйма минимум.

– Как ты? – спрашивает он, обеспокоенно сдвинув брови.

– Мне нужно к врачу, – говорит Алисса.

Глава вторая

Аминат

Аминат приходит за двадцать минут до назначенной встречи – ей так удобнее. Успевать вовремя у нее не получается, а опаздывать она ненавидит. Она оставляет свой кейс в багажнике, а машину – на стоянке для посетителей, хоть и работает здесь. На табличке написано «Министерство сельского хозяйства, Убар». Большинство людей этому верит, и в здании есть несколько этажей, на которых действительно занимаются сельскохозяйственными нуждами нигерийцев, что в Роузюотере означает хранение обильно произрастающих пищевых продуктов на огромных складах, как с холодильниками, так и без них. Однако главная деятельность в этом здании происходит на подземных этажах, где расположился Отдел сорок пять.

На подходе к дверям здания Аминат отключает телефон, дважды нажав пальцем на предплечье. Секретарей внутри нет. Сейчас суббота, и сюда приходят лишь те, кто работает на О45. Аминат знает, что ее имплантат просканирован, и двери открываются перед ней, но она не встречает ни души. Единственный звук – это стук ее каблучков по гладкому полу. Она подходит к лифту, и он открывается. Внутри нет кнопок с номерами, лишь полированный металл и лампочка над головой. Играет музыка – какая-то переработка Марвина Гэя – и Аминат подпевает, пока спускается вниз.

Она поправляет костюм и вглядывается в искаженное отражение, проверяя макияж.
– Лифт скоро остановится, мисс Аригбеде, – сообщает бестелесный голос.
– Спасибо.

За открывшимися дверьми ее дожидается мужчина. Он вооружен автоматическим пистолетом, но ей улыбается и кивает, а потом указывает на двойные двери в конце небольшого коридора. Бейджа с именем он не носит, и Аминат задается вопросом, не для того ли это, чтобы он мог стрелять безо всяких последствий.

Двери ведут в исследовательскую лабораторию. Феми Алаагомеджи, начальница Аминат, уже там. Она одета в летнее платье вырвиглазной расцветки, однако Феми – из тех исключительно красивых людей, на которых что угодно смотрится хорошо. Где бы она ни оказалась, все будут пялиться только на Феми. Всегда.

– Ты рано, – говорит Феми. – Хорошо.
– Доброе утро, мэм.
– Как твой парень?
– Когда я уходила, играл в шахматы с компьютером, – отвечает Аминат. Это неправда, зато отбивает интерес.

Феми фыркает и вручает Аминат защитные очки.

Они в маленькой комнате с кучей мониторов, несколькими лаборантами и прозрачным экраном во всю стену. За экраном – пристегнутый ремнями к креслу мужчина. Кажется, будто он пришел на прием к стоматологу или вот-вот подвергнется шоковой терапии, но вид у него спокойный. Он одет в темно-синее трико и весь обклеен электродами. Вокруг роятся лаборанты: проверяют, настраивают, суетятся. Напротив мужчины стоит огромная машина с цилиндрическим выступом, нацеленным на него так, словно она должна сделать рентгеновский снимок. Задняя часть машины подключена к механизму побольше, а тот в свою очередь подсоединен к горизонтальному металлическому тору, уходящему куда-то вдаль. Людей вокруг него нет, и Аминат не может оценить его высоту.

– Знаешь, зачем я тебя сюда позвала? – спрашивает Феми.
– Это эксперимент по декаплингу? – предполагает Аминат.

– Да. Поскольку он связан с твоей работой, я подумала, что тебе будет интересно это увидеть.

Действительно. На протяжении десятилетий биосферу понемногу захватывал инопланетный вид – микроорганизм, получивший название *ascomyces xenosphericus*. Возможно, у него существуют подвиды и вариации, но все их объединяет способность к трансформации и презрение к пределу Хейфлика. О45 выяснил, что эти ксеноформы постепенно захватывают человеческие тела, мимикрируя под их естественные клетки. Происходит это неспешно, и сама Аминат лишь на семь процентов инопланетянка. Она видела подопытных, у которых количество ксеноформ в организме превышало сорок процентов. Ее задача – найти химический способ борьбы с инопланетными клетками. Она знает, что над проблемой работают и другие – эта команда, например. Декаплинг – это теоретически возможное отделение ксеноформ от человеческих тканей. На практике устранить инопланетные клетки пока что не получилось.

Феми указывает Аминат на стул, но, поскольку сама начальница стоит, Аминат отказывается. Она замечает, что помимо фруктового аромата духов Феми других запахов в комнате нет. Даже запаха антисептика. Большой дисплей ведет обратный отсчет от сорока пяти секунд, а лаборанты заканчивают последние приготовления. Аминат косится на Феми, восхищаясь ее кожей, ее осанкой, ее самообладанием. Феми одного с ней роста, но живот у нее потолще, а мышцы не такие накачанные. Это несовершенство как будто делает Феми еще привлекательнее. Аминат знает, что в организме Феми Алаагомеджи всего два процента ксеноформ – один из самых низких показателей, зафиксированных среди взрослых. У новорожденных количество ксеноформ в организме установить невозможно, но под конец первого года жизни оно обычно поднимается до одного процента.

Десять секунд. Звучит сигнал, и лаборанты выбегают из изолированной комнаты, запирая в ней подопытного. Он потеет, хотя дисплей сообщает Аминат, что температура в камере всего двадцать два градуса по Цельсию. Глаза у него широко раскрыты, и Аминат готова поспорить, что если бы она могла прочесть его мысли, оказалось бы, что он спрашивает себя, за каким хреном вообще согласился в этом участвовать.

Когда отсчет доходит до нуля, лампы тускнеют.

– Такого быть не должно, – хмурится Феми. – Там отдельная цепь.

Машина включается беззвучно, однако мужчина морщится. Показатели биометрии начинают безумно колебаться, слишком быстро, чтобы Аминат могла за ними уследить, но лаборанты у мониторов, похоже, встревожены. Подопытный распахивает рот, а вены у него на шее выступают так, словно хотят вырваться на свободу. Он борется с ремнями. И, должно быть, кричит.

– Процесс должен быть болезненным? – спрашивает Аминат.

Феми поворачивается к одному из лаборантов, и тот качает головой:

– Испытания на животных не показывали...

Подопытный... обращается в грязного цвета жижу, которая выплескивается из ремней и растекается по полу. Брызги попадают на экран, и Аминат отшатывается. Лаборанты почти синхронно вопят и кривятся. Лишь Феми по-прежнему невозмутима.

– Надеюсь, он подписал все отказы от ответственности, – говорит она. – У нас ведь от этого не может быть рака? Хотя лучше не отвечайте. Зачем я спрашиваю людей, которые только что взорвали мне подопытного?

– Мэм, я не знаю, что случилось и как мы могли потерпеть неудачу, – отзывается один из лаборантов.

– А кто сказал, что вы потерпели неудачу? – интересуется Феми.

– Мэм, но он же погиб.

– Да, но опыт заключался не в этом, верно?

– Я не понимаю.

Феми вздыхает.

– Иди в камеру, голова ямсовая, и возьми пробу тканей. Проверь ткани на наличие ксеноформ. Если их там нет – опыт удался. Я что, одна тут не сплю?

– Но подопытный погиб, мэм.

– Детали, детали, – говорит Феми. – Аминат, ты завтракала?

Середина утра в Роузютере. После того что случилось с подопытным, аппетита у Аминат нет, а вот Феми, похоже, умирает от голода, и поэтому они уходят из Министерства сельского хозяйства и на поезде, едущем против часовой стрелки, отправляются на юг города, мимо северного ганглия, в гораздо менее благополучный район Она-око, где она знает небольшую буку³. У хозяина буки, Барри, в яремной ямке у основания шеи расположился третий глаз – копия левого. Большую часть времени он закрыт и сомкнутые веки склеены коркой. Порой глаз плачет, а когда Барри на чем-то сосредотачивается – распахивается.

– Я никогда не спрашивала, видит ли он этим глазом, – говорит Феми, прежде чем снова набить рот рисом и додо⁴. – Не представляю, как он может быть функциональным.

Аминат никак это не комментирует. Она из вежливости гоняет еду по тарелке. Кажется, плантан, пошедший на ее додо, был перезревшим. Когда Барри подходит к ним, ей кажется, что на нее смотрит немигающий глаз Бога, и от этого ей неуютно. Ей вообще всегда неуютно рядом с перестроенными, как будто они – игрушки или эксперименты чужих. Разумеется, они делают это с собой сами, разрезая и формируя собственную плоть накануне Открытия, а потом подвергаясь воздействию целебных ксеноформ, исторгнутых биокуполом. Аминат задается вопросом, обязательно ли Полыни делать их вот такими, ведь она способна проанализировать генетический материал и использовать его в качестве точного чертежа. Но каждому свое. Бука расположилась на втором этаже трехэтажного петеси⁵, и, поскольку рельеф в Она-око по большей части ровный, из окна виден купол. Этим утром он тускло-лазурного цвета, и по его поверхности разбросаны темные пятна. Быть может, если бы он ежедневно не менял цвет, люди перестали бы его замечать. Когда живешь рядом с пирамидами Гизы, обращаешь ли ты на них внимание? Если верить радио, наростов на куполе в этом месяце больше, чем в прошлом. Эти шипы – относительно новая его черта.

Скамейки в буке деревянные и неудобные, а само помещение чистое, хоть и едва соответствует санитарным нормам. Воздух насыщен ароматами еды и специй. Телохранители Феми выгнали всех посетителей, заплатив за них, чтобы не возмущались. Теперь все четверо стоят лицами к окнам. Аминат знает, что они создают искажающее поле, чтобы никто не подслушал разговор.

– Аригбеде, ты в порядке? Подробности нужны? – спрашивает Феми.

– Нет, – отвечает Аминат.

– Тебя эксперимент встревожил?

– А вас – нет? – интересуется Аминат.

Феми отпивает воды, потом качает головой.

– Эксперимент – нет. Его исход – да. Немножко. Но у меня и так есть поводы для беспокойства, и некоторые из них пострашнее того, что мы увидели час назад.

– Да, мэм.

– Мне бы хотелось, чтобы ты вела себя со мной менее формально. Не чересчур, но...

Аминат молчит – ей кажется, что так будет лучше всего.

– Как Кааро? – спрашивает Феми.

³ Бука – традиционное нигерийское уличное кафе с дешевой едой, а также любое кафе, работающее по тому же принципу.

⁴ Додо – жареный плантан (крупный овощной банан).

⁵ Петеси – название многоэтажных домов в языке йоруба.

– Он скрытный, – говорит Аминат. Волоски на ее шее встают дыбом.
– Я имею в виду, с профессиональной точки зрения, – уточняет Феми.
– С профессиональной точки зрения он скрытный. Мы не разговариваем о работе; он не выдал ни одного правительственного секрета.

Феми смеется:

– Продуманный ответ.

– К чему этот разговор, мэм?

– Как твоя работа, Аминат?

– Я отправляю еженедельные отчеты...

– Ага-ага, скучные, полные научного жаргона, который можно толковать как угодно; полные ловких уверток, которые удовлетворили бы бюрократа. Я – не бюрократ, Аминат.

– Я не знаю, как...

– Перестань. Не трать мое время. Выскажи мне честное, откровенное мнение о своей работе. Без всякой херни.

Аминат вздыхает.

– Я нахожу людей с низким уровнем ксеноформ и пытаюсь понять, можно ли сделать так, чтобы он не повышался. Я нахожу людей с высоким уровнем ксеноформ и ставлю эксперименты, вводя им разнообразные химические соединения разнообразными способами, а потом снова проверяю уровень ксеноформ, пытаюсь добиться декаплинга. У меня хорошая команда и богатые ресурсы, но я не верю в то, что декаплинг возможен. Это интересная работа, и я хотела бы продолжать ею заниматься, но мне кажется, что интеграция ксеноформ необратима. Они теперь – часть того, что значит быть человеком. Что-то вроде лучшего в мире паразита или симбионта. Поддерживают жизнь в хозяине, пока связаны с ним.

– Полгода назад команда физиков заявила ко мне с идеей. Их сложную высшую математику я не понимаю, но они считают, что могут нарушить поле Хиггса вокруг ксеноформ и удалить их на субатомном уровне. Кульминацией их трудов стало сегодняшнее разжижение.

Ветер меняется, и кислая вонь реки Йеманжа забивает аппетитные ароматы. Феми морщит свой идеальный носик. Аминат подозревает, что без хирургического вмешательства тут не обошлось.

– Как ты относишься к тому, чтобы слетать в космос? – спрашивает Феми.

– Куда?

– В космос. Его еще последним рубежом называют.

– В смысле – в марсианскую колонию?

– Нет, всего лишь на космическую станцию. Нашу космическую станцию. «Наутилус».

Феми пытается вести себя непринужденно, однако Аминат видит, что язык ее тела изменился.

– Вы знали, что сегодняшний эксперимент провалится, что этот мужчина умрет. Поэтому вы меня и позвали.

– Несколько месяцев назад я получила заключения независимых специалистов из Пекина и Кембриджа. Я знала, что теория неверна, но не знала, что подопытный погибнет, – говорит Феми. – И да, поэтому я тебя и позвала. Космос. Геостационарная орбита. Хочешь полететь?

– Зачем? Космос – это кладбище. И вообще, разве «Наутилус» не декомиссован?

– Логичнее будет сначала ответить на твой второй вопрос. «Наутилус» был не столько декомиссован, сколько брошен. Он и космической станцией-то едва-едва мог считаться. Его создание финансировал международный африканский конгломерат, но деньги кончились, и экипаж просто бросили умирать. Спасательная миссия стоила бы слишком дорого. Дешевле было обрубить связь, купить молчание семей и сочинить официальную историю об организованной декомиссии, проиллюстрировать ее 3D-роликами отдельных этапов, а на все остальное поставить гриф «Секретно». Что же до того, зачем, – нам нужно, чтобы ты слетала туда и взяла

образцы тканей. Если условия космоса могут избавить людей от ксеноформ, это будет интересный поворот.

– Как такое может быть? Ксеноформы же из космоса прилетели.

– Это приказ сверху, Аминат. «Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен»⁶ и так далее.

– Ладно, а платит за это кто?

– Что, прости?

– Вы сказали, что спасти тех бедолаг с «Наутилуса» было слишком дорого. Как они оправдают затраты на мой полет?

– Это не те же самые «они» и не те же самые затраты. Что я хочу знать, Аминат, так это хватит ли у тебя на это яичников. Миссия короткая.

– Могу я подумать?

– Конечно. – Феми отпивает еще воды. – Только не очень долго. Речь, в конце концов, о вымирании человеческой расы идет. Как по мне, это довольно серьезная штука.

«Вы слушаете частоту 98.5. Это был „Cartwheel“, новый сингл Dio9. Горячая новость для всех любителей понаблюдать за инопланетянами: неподалеку от Кехинде была замечена даже не одна, а две скатки, сбежавшие из-под купола. Роузотерский отдел охраны окружающей среды продолжает расследование. День сегодня будет солнечный, без дождей и тумана. Потрясающий выходной для потрясающих людей».

Держась за руль одной рукой, Аминат расстегивает верхнюю пуговицу. Это неудобно, поэтому она подключается к сети и активирует автопилот. Последнюю неделю тот подглючивает, но Аминат уверена, что он сможет продержаться пару минут, не свернув куда не надо. Она направляет все потоки воздуха на себя и дует себе под блузку. Жарко. Но ясная погода ей нравится. В солнечном субботнем утре есть что-то особенное, а движение сегодня не слишком активное. До Открытия – и нашествия паломников – еще шесть месяцев, так что на дорогах сейчас лишь жители Роузотера. Ее плейлист отрубает радио, включает «Sun is Shining» Боба Марли, и Аминат подпевает, пытаясь изгнать из головы образ оставшейся от подопытного лужи дерьма. Она влюблена в этот день.

– Ручное управление, – командует она и берет контроль на себя.

Космос. Вот до чего дошло. Аминат не то чтобы боится лететь, но правительство Нигерии – не из тех, кто своих не бросает. Что, если ее оставят умирать там, наверху, как остальных? Сказала бы ей Феми, что такая опасность существует? Положение Феми в О45 в последнее время неясно. Кааро говорил, что она то ли ушла сама, то ли была уволена, но это, видимо, оперативная легенда, потому что Феми работает исключительно над инопланетной проблемой и имеет доступ к безграничным ресурсам. Аминат отчитывается перед ней с прошлого года.

И все же – космос. Втайне Аминат всегда мечтала туда полететь. Она не помнит, чтобы кому-нибудь об этом рассказывала или писала в дневнике. Каждый раз, когда какой-нибудь мультимиллионер садится в ракету, она чувствует укол зависти. А теперь, похоже, правительство Наиджи⁷ хочет ее туда отправить. Почему не робота?

– Позвони Кааро, – говорит она.

– Абонент недоступен, – отвечает машина.

– Позвони домой.

С чего это вдруг он телефон отключил?

– Абонент не отвечает. Хотите, чтобы я оставила сообщение или перезвонила?

– Нет. Голосовое послание.

Слышится гудок.

⁶ Альфред Теннисон, «Атака легкой бригады» (пер. Ю. Колкера).

⁷ Наиджа – название Нигерии в языке йоруба и нигерийском пиджине.

– Кааро, я закончила с делами и еду домой. Я позавтракала. Позвони, если можешь.

Скорее всего, Кааро затаился, потому что знал, что она поедет в О45 и встретится с Феми. Раньше он работал на О45 в качестве последнего из их квантовых экстраполяторов – телепатов, зараженных ксеноформами. Кончилось это плохо, и теперь Кааро не желает разговаривать даже об обычных, будничных вещах, имеющих отношение к пришельцам, о том, что известно широким массам. Аминат любит его, но считает, что порой он ведет себя как сраный ребенок. Кааро явно что-то задумал и после выхода в отставку проводит время за учебой или обсуждением каких-то планов с людьми, о которых не рассказывает Аминат.

– Это никак не связано с тобой или с твоей работой, – утверждает он.

Аминат не всегда верит, что это правда.

По левую руку от себя она видит возвышающийся над зданиями купол. Теперь его поверхность иссиня-черная и немного зеркальная. Раньше он был простым гладким пузырем, поднимавшимся из земли, но недавно покрылся наростами, шипами с острыми или тупыми кончиками. Никто не знает, почему, но некоторые ученые предполагают, что это связано с расширением диапазона передачи информации. Обывателей это не беспокоит, пока есть электричество и купол каждый год открывается, чтобы исцелять людей. Инопланетяне остаются внутри, люди – снаружи, и все счастливы.

Вот только это неправда. Ксеноформы заполняют атмосферу, и продолжается это уже много веков. Первая партия их прибыла на астероиде и, созданная, чтобы адаптироваться, размножилась и распространилась. Воздух, земля, вода – изящное вторжение, для которого не нужны никакие НЛО или боевые корабли, всего лишь постепенное замещение человеческих клеток ксеноформами. А потом была Польша, сперва принятая за астероид, но оказавшаяся разведчиком, массивным организмом размером с деревню, разумным, живущим под землей, способным перемещаться в земной коре.

Польша обосновалась в Нигерии, укрывшись под защитным биокуполом вместе с другими инопланетными существами, обитавшими у нее внутри, и некоторыми людьми, избравшими жизнь рядом с пришельцем.

Купол не был непроницаем. Чуждая фауна контаминировала экосистему, и хотя часть инопланетных организмов оказалась безобидной, среди них попадались и хищники. Ксенобиология стала новой университетской специальностью.

Город Роузотер вырос вокруг купола по необходимости, из-за его целительных свойств. Паломники до сих пор прибывают отовсюду. Дорога, по которой едет Аминат, как и большинство здешних дорог, была когда-то пешей тропой. Единственная упорядоченная часть города – это комплекс кольцевых железных дорог (одна идет по часовой стрелке, другая – против), огибающих купол.

Большинство других стран либо закрылись в себе, либо пытаются превратить ксеноформы в оружие. Команда Аминат – единственное, что стоит между пришельцами и людьми. Если она потерпит неудачу, человечество вымрет.

Аминат вспоминает обратившегося в жидкость бедолагу из Убара, ежится от испарившегося пота, а может быть, от страха, и меняет курс. Она направляется в свою лабораторию.

Глава третья

Энтони

Он замечает перемену сразу же. Она незначительна – несколько клеток с истощившимися нейромедиаторами и нестабильным мембранным потенциалом покоя, легкая вибрация и смена движения с броуновского на целеустремленное. Он знает, что-то грядет, но не знает, что именно.

Поднимает взгляд и видит отфильтрованные куполом солнечные лучи. Сегодня у них синеватый оттенок. Мысленно запрашивает у ксеноформ данные о происходящем за пределами купола, в Роузотере и дальше. Ничего необычного. Люди ходят и ездят туда-сюда. Покупают еду, продают еду, дерутся, сношаются, живут, умирают. Никакого развертывания военных сил, никакого неизбежного нападения. Религиозные клики ведут себя спокойно. Погода хорошая, повышенной сейсмической активности не наблюдается.

Энтони – по крайней мере, этот Энтони, – живет под куполом, в конусообразном доме, верхушка которого срезана, чтобы внутрь проходил свет. Его любовная связь с человеческой женщиной подходит к концу, хотя женщина об этом еще не знает. Она – переговорщица, деликатная и телом, и манерами. Она разрешает конфликты так, словно взаимодействие между эмоциями и логикой – это материал для создания произведений искусства. Человеческое население купола очень ее уважает. Энтони находит ее голос умиротворяющим, а плоть его реагирует на ее близость со страшной силой. Они вместе уже восемнадцать месяцев, но теперь Энтони понимает, что все кончено. Должно быть, как минимум часть его личности прописана в образце ДНК. Сколько бы раз его тело ни воссоздавалось, Энтони обнаруживает в себе те же черты характера, те же причуды, совершает те же ошибки в отношениях.

Самый первый Энтони покоится глубоко в лоне Польшы – дешифровщик и переводчик, через которого пришелец общается с планетой. Он едва жив. Каждую пару месяцев по нескольким сотням синапсов пробегает импульс – случайный, бессмысленный. Энтони было около двадцати, когда его захватили в Лондоне. Польшы – больше тысячи, но мыслит она почти как ребенок.

«Я и молодой и старик, я столь же глуп, сколь и мудр»⁸, как сказал поэт.

Любовница Энтони ворочается на кровати рядом с ним. Он слышит, как кто-то поет скорбную песню об уходящих в море матросах – уверенное контральто, наверняка поставленное. Энтони поднимается и подходит к двери, выглядывает наружу. Обиталище у него простое, мебель ему не нужна, но он держит ее в доме, потому что она нужна людям, с которыми он живет. Сон ему не требуется, жизненные силы он черпает у Польшы, но выращивает Энтони, которые умеют спать и есть, потому что иначе выглядит слишком чуждым и пугает людей, с которыми делит купол.

Он взывает к Польшы, этому гигантскому комку органических тканей, угнездившемуся под землей, но она молчит. Проходящий мимо мужчина машет Энтони рукой.

Энтони ощущает голод и приказывает ксеноформам заняться фотосинтезом.

Он как раз думает, не покинуть ли купол, чтобы самому увидеть, что происходит снаружи, когда его настигает припадок. Энтони вопит и падает на землю. Он знает, что случилось, но боль от этого не утихает. Он слышит и чувствует, что его любовница напугана, но тело Энтони ему пока не подчиняется. Он борется с этим, выпускает эндорфины, чтобы заглушить боль, и пытается войти в транс, подкрепляя его анандамидом. Перепрограммирует мела-

⁸ Уолт Уитмен, «Песнь о себе» (пер. К. Чуковского).

ноциты, чтобы оставить своей любовнице успокаивающее послание-татуировку, и соскальзывает в ксеносферу – психопространство, созданное взаимосвязанными ксеноформами.

Ему пришел огромный пакет данных – информации, преодолевшей множество световых лет, чтобы достичь его.

Послание с родной планеты.

Информация передается посредством квантовой запутанности. Ксеноформы на краю космоса взаимозависимы с приемопередатчиками на луне в другом конце галактики. Энтони воспринимает эту информацию как воспоминание, как что-то, что знал всегда.

Вся поверхность этой луны и все подземные пространства, какие только можно на ней найти, заполнены серверами хранения данных.

Обитатели окруженной кольцом планеты в небесах называют ее Домом. По мнению Энтони, это куда логичнее, чем «Земля». Кому пришло в голову назвать планету, на две трети покрытую водой, в честь жалких клочков суши? С этого расстояния Дом прекрасен, потому что отражает свет солнца. Сине-зеленые океаны разбиты на части континентальными массивами, облаками и тучами, и пестрота делает планету только красивее.

Потом Энтони вспоминает про орбитальный мусор, образующий вокруг планеты собственную систему колец, про пылевые полосы и металлическую машинерию, настолько заполонившие пространство, что выход в космос с поверхности планеты уже невозможен. Целостность колец нарушают трупы космических станций. Океаны и континенты загрязнены выбросами бесконтрольного производства, почва больше не родит, дожди ядовиты. Живых макроорганизмов на Доме не осталось, однако атмосфера кишит экстремофилами – бактериями и грибами, которые жируют на длинноцепочечных углеводородах и радиации; для которых ядерное топливо – питательная среда; которые процветают в отсутствие кислорода. Пройдут миллиарды лет – и из этих простых организмов разовьется новая многоклеточная элита, а возможно, и разумная жизнь.

Дом непригоден для жизни, и Энтони поражен тем, как ранит его осознание этого факта. Дом был непригоден для жизни на протяжении множества земных веков. Доминантная разумная форма жизни Дома давным-давно переселилась в космос, сперва – на многочисленные космические станции. Колонизация других планет солнечной системы проваливается, как и любые попытки терраформирования. Они отправляют экспедиции в дальний космос, на поиски домоподобных планет, но ни одна так и не возвращается.

Домяне вынуждены переосмыслить понятие выживания. Их натурфилософы принимают и начинают проповедовать идею, что единственный выход – сбросить биологические оковы, и ученые работают над этой задачей долгие годы. В конечном итоге они переосмысливают не понятие выживания, а понятие смерти. Обычно результатом рассечения нити, связывающей сознание с телом, становится гибель. Но что, если этого не произойдет?

Потом случается открытие того, что человеческий разум Энтони называет ксеноформами. Это синтетические полиформные микроорганизмы, изначально разработанные ученым-домянином, которому в голову пришла идея терраформировать сам Дом, устранив загрязнения. Ксеноформы создаются для того, чтобы делать токсичные вещества безвредными. Это не срабатывает, однако ксеноформы проявляют бесконечную адаптивность, способность имитировать любую живую клетку и связываться друг с другом так, чтобы передавать информацию с помощью «жуткого дальнего действия».

Вскоре возникает идея объединить умения ксеноформ с умениями опор, эндемиков Дома. К этому времени опоры уже приручены домянами. Это бесформенные куски органики, самые маленькие из которых имеют диаметр около пятисот футов, а самые большие достигают размеров целого города. Они обладают разумом, но ограниченным, и нуждаются в симбиоти-

ческой телепатической связи с полностью разумным организмом-хозяином. Энтони осознает и вспоминает, что Полюнь – это опора, а он, Энтони, – ее хозяин.

Опоры накачивают ксеноформами и запускают их в космос в качестве малоценных разведчиков, отыскивающих подходящую планету.

Оставшиеся домяне копируют себя – свои разумы и воспоминания – на биомеханические устройства хранения. Колоссальную серверную ферму размещают на второй луне Дома. Философы и ученые заверяют домян, что они будут жить вечно, а когда настанет пора, смогут переселиться в новые тела. Теоретически. Домяне позволяют своим биологическим телам умереть и впадают в вечный сон в лунном комплексе.

За серверами присматривают членистоногие механизмы на солнечных батареях. Похожие на бабочек роботы поддерживают целостность данных на каждом из миллиардов серверов, перелетают с одного на другой, как будто опыляя их. Кто знает, что снится спящим домянам?

На лунной базе есть и более крупные механизмы, небольшие адаптивные многорукие машины, контролирующие информацию, пересылаемую странствующими ксеноформами. Земля – единственная теоретически пригодная для жизни планета, на которой смогли выжить опоры. Ксеноформы присылают информацию, порождающую неслышимый сигнал тревоги в покоем на мула роботе, который немедленно отращивает четыре ноги и на скорости тридцать шесть миль в час мчится к конкретному серверу, огибая астероидные кратеры, лунные скалы и обломки упавших спутников. Он переносит этот сервер на базу, где куда более маленькое и изящное многолапое насекомое начинает тонкий процесс подключения сервера к главному процессору.

Другие машины активируют воздушный шлюз и наполняют комнату содержимым подземных газохранилищ. Этот газ – не воздух и неспособен поддерживать жизнь, но его молекулы могут вибрировать, создавая звук.

У пробужденной ученой уходит шесть дней на то, чтобы установить контакт с процессором и понять, где она находится. Она активирует динамики, из которых доносятся слова. Они электронные и лишены интонаций, но смысл их ясен.

– Приветствую тебя. Я не знаю твоего имени и не знаю, понятен ли тебе язык, на котором я говорю. На Доме существует более тысячи языков и диалектов. Я опробую каждый из них. Я назначена куратором процесса воскрешения. Меня зовут Луа, я говорю с тобой по односторонней связи, а потому не смогу ощутить твой ответ. Факт моего пробуждения означает, что произошел сбой.

Слышать ее речь – странный опыт, как подпевать старой песне о любви. Энтони знает все слова, и предвкушение каждого рождает звуковой вариант послеобраза. А еще он знает, что, на каком бы языке ни говорила ученая, человеческий мозг переводит его на земной язык и подбирает земные эквиваленты выражений.

– Вот что должно было произойти, – продолжает Луа. – Ксеноформы должны были прислать нам данные о том, насколько преобразован каждый из землян. Они это сделали, и в начале последнего солнечного цикла обслуживающие машины были оповещены о первом полном преобразовании. Это запустило особый протокол, целью которого является проверка возможности трансмиграции нашей расы. Был пробужден специально отобранный домянин, и его сознание переписано в преобразованного человека.

Луа больше часа тратит на обсуждение технических подробностей процесса, но Энтони отвлекается и проматывает воспоминание дальше.

– Мы потеряли контакт через несколько наносекунд после передачи. Скорее всего, человеческий организм, ввиду своей примитивности, неспособен выдержать разум домянина. Возможно, нам все же следовало приказать ксеноформам построить тела, имитирующие нашу анатомию.

Энтони знает, почему они этого не сделали. Аборигены адаптированы к жизни на этой планете. Логично использовать тела, приспособленные к среде, которую ты пытаешься покорить. Он также знает, что среди домянских философов полыхали жаркие споры на эту тему. Переписанные индивидуумы будут домянами *res cogitans*, но не *res extensa*, а ведь даже в этом случае возникли бы проблемы. Ксеноформы считаются биологическими машинами, а значит, и построенное из них тело будет машиной. Разум домянина внутри машины не поддавался никакой... классификации. Что еще хуже, эта машина будет создана на основе человека – инопланетянина, не-домянина. Некоторые говорили, что такова цена космического выживания, что так выглядит принудительная эволюция.

Луа говорит:

– Прежде чем мы перешлем на Землю миллиарды домян, мы должны быть абсолютно уверены в том, что этот процесс работает. Мы не можем продолжать, пока не узнаем, что случилось с первым из нас. Опора, ты должна найти тело, изучить его и переслать мне все полученные данные.

Энтони выходит из транса. Луа также переслала технические подробности: что, как и почему он должен сделать, когда найдет тело, – но все это хранится в его памяти и доступно в любой момент.

Его назвали опорой впервые. Он чувствует, как под землей ворочается необъятное тело Польшни, недовольной тем, что Луа не использовала конкретное имя. Энтони, Польшнь, Польшнь, Энтони. Одно и то же? Человек? Домянин?

Энтони открывает глаза и видит, что над ним склонилась его любовница. Она улыбается; он – нет.

– Я должен уйти, – говорит Энтони. – Прощай.

И умирает.

Отрывок из романа Уолтера Танмолы «Куди»

Прежде чем Эмека успел хоть что-нибудь сказать, вошел Кристофер с ухмылкой на лице и беспокойным огнем в глазах. Господи, спаси нас, он что-то задумал.

– Гони за машиной, – сказал он. – Мы отправляемся платить растленным и растлевать легковерных.

Ему не нужно было говорить Эмеке, куда ехать. Возникновение купола непрерывно показывали по всем каналам. Ездить к нему было запрещено, и поэтому автопилоты не работали. В случае кризисов власти отрубали их в первую очередь.

В обычное время поездка заняла бы пару часов, но сейчас дороги были забиты людьми вроде них, желающими поглазеть на пришельца. Кристофер использовал задержку, нарезая синюю бумагу для принтеров на мелкие квадратики. Потом найденной в багажнике ручкой он проставил на каждом число. Когда проехать уже было невозможно, Кристофер велел оставить машину и продолжить путь на мототакси. Эмеке очень не хотелось бросать машину матери, но перечить он не стал. А через милю пробка сделалась такой, что сквозь нее **было** не просочиться даже на двух колесах. Небо потемнело от дронов – ни Эмека, ни Кристофер никогда не видели их в таком количестве.

Спешившись, Кристофер протиснулся сквозь толпу; поле его притяжения повлекло Эмеку за собой. У кордона они договорились с охранником, и их пропустили к инопланетному куполу. Он выглядел так, словно Сатана трахнул Землю изнутри, и пенис его остался торчать наружу, пульсируя от чудовищной эрекции. У этой штуковины были вены, кожа и тепло. Кристофер шлепнул Эмеку по спине.

– Мы сюда не любоваться пришли. Начинай продавать билеты.

Он выдал Эмеке горсть синих квадратиков, и они принялись за работу. Часть навару пришлось отдать ребятам из ополчения, но все равно за следующие несколько недель они заработали кругленькую сумму.

А потом Эмека встретил Куди.

Глава четвертая

Алисса

– Мне нужно к врачу, – повторяет Алисса.

– Так и не полегчало? Я запишу тебя на понедельник. – Марк бросает ключи от машины на тумбочку.

– Нет, не надо меня записывать. Мне нужно к врачу сегодня. Сейчас.

Марк подходит, чтобы поцеловать ее, но Алисса отворачивается. Она жалеет об этом, но движение получается невольным. Она не чувствует к Марку никакой симпатии.

– Ладно. А почему? То есть я, конечно, отвезу тебя в больницу, Алисса, но ты не выглядишь больной. Что стряслось?

– Разве это не касается только меня и врача?

– Я же твой муж. – У Марка оскорбленный, обиженный голос.

Алисса вздыхает:

– Я этого не знаю.

– Что?

– Я не знаю, правда ли ты мой муж.

Марк смеется, но это нервный смех.

– Перестань меня разыгрывать, Ал.

– Я тебя не разыгрываю. Прости, но я тебя не помню.

– Ал...

– Просто послушай. Я не помню ни тебя, ни Пэт, ни этот дом. Я знаю, что наша фамилия Сатклифф, потому что заглянула в документы. Я видела наши общие фотографии, но не помню, когда мы их сделали.

– Алисса, прекрати немедленно. Это не смешно.

– Да уж, ни хрена не смешно. Я потеряла память.

Марк долговязый, с длинными светлыми волосами. Глаза у него маленькие, но выразительные, и он явно шокирован.

– А прошлый вечер ты помнишь?

Алисса качает головой.

– Ты вернулась с работы...

– Какой работы? Чем я занимаюсь?

Марк колеблется.

– Ты работаешь в «Честной корпорации». Где-то в администрации, рулишь логистикой. Все на тебя полагаются.

– Я этого не помню.

Марк вздыхает.

– Хорошо, ты не помнишь. Ты вернулась с работы...

– А ты где работаешь?

– Я художник. – Он садится в кресло напротив и проводит ладонями по его подлокотникам. – Знаешь, а это ведь ты ткань для мебели подбирала. По-моему, так она говно.

Алисса бросает взгляд на подлокотник, но ничего не делает.

– Ты поцапалась с Пэт из-за ее комнаты и домашней работы.

– Марк, ты пытаешься привести меня в чувство? Думаешь, если что-нибудь мне расскажешь, то я встряхнусь и все вспомню? Так вот, я пыталась. Пожалуйста, отвези меня в больницу.

Он вскакивает, касается ее руки, и Алисса отшатывается.

– Эй! – вскрикивает Марк.

– Извини. Я просто... Мне страшно, и у меня все чувства перепутались. – Она переводит взгляд со своего обручального кольца на его, а потом обратно на свое.

– Сейчас подгоню машину.

Доктор не смотрит ей в глаза. Он щелкает клавиатурой и глядит на экран.

– А раньше такого не бывало? – спрашивает он.

– Не знаю. Я ничего не помню, помните? – говорит Алисса.

– Этот вопрос предназначался вашему супругу, миссис Сатклифф. – Ее жалкая шутка, кажется, не оскорбила его и даже не позабавила.

– Нет, раньше с ней все было нормально, – отвечает Марк. Он ссутулился в кресле, но, возможно, виной тому его рост и среднестатистический размер мебели в кабинете.

– Наркотики?

– Никогда. Иногда вино, иногда пиво. – Марк пытается взять ее за руку, но Алисса убирает руки с подлокотников и складывает на коленях. Что-то внутри подсказывает ей, что жест Марка должен был утешить не столько ее, сколько его самого.

У доктора черная кожа, брюшко, намечающаяся лысина; он кажется холодно профессиональным или профессионально холодным. Он скачивает с имплантата ее медкарту. Осматривает Алиссу, проверяет зрачки, движения глаз, глотание, симметричность улыбки, положение языка, чувствительность тела, походку, способность исполнить несколько дурацких чередующихся жестов.

После чего вздыхает, совсем как Марк до него.

– Миссис Сатклифф, я не нахожу никаких признаков неврологических нарушений, и здоровье у вас, судя по всему, хорошее. Я возьму анализы крови, мочи и кала и направлю вас на сканирование мозга, но лишь для полноты обследования. Я не ожидаю выявить никаких проблем.

– Но какая-то проблема есть, доктор, – говорит Алисса.

– Я знаю. – Его движения становятся пренебрежительными. Он хочет, чтобы они ушли. – Но эта проблема – не в вашем теле.

Алисса утыкается лбом в окно машины и наблюдает за внешним миром.

Это Роузютер; они здесь живут. Буйная конурбация, со всех сторон облегающая двухсотфутовый купол. Планировкой здесь и не пахнет. Улицы узкие, склонные внезапно кончаться или поворачивать под несуразными углами. Дома построены как попало, отличаются друг от друга возрастом и внешним видом; весь город возведен на скорую руку. Он кишит людьми, в основном черными нигерийцами, но есть среди них и солидная доля арабов, уроженцев Южной Азии, русских и представителей множества других национальностей. Дорожные знаки с большим трудом направляют и контролируют потоки бесчисленных горожан и управляемых автопилотами машин. Воздух непрерывно рассекают дроны, похожие на птиц, не желающих летать стаей. Настоящие же птицы кажутся запуганными, оттертыми на второй план, они держатся крыш и непрерывно гадят.

Купол похож на синий маяк, его поверхность покрыта извилистым узором и торчащими во все стороны шипами. Время от времени на эти шипы насаживаются дроны, птицы и иные неопознаваемые летающие организмы, превращаясь в шашлык для стервятников, поддерживающих купол в чистоте.

Алисса видит все это, и оно ей знакомо, она вспоминает эту информацию. Она видит измененные тела перестроенных, заторможенные движения изредка попадающихся реаниматов, и они ее не пугают.

Марк сопровождает комментариями все, мимо чего они проезжают. Он нервничает и избегает смотреть ей в глаза. Алисса молчит.

– Я считаю, что мы не должны рассказывать об этом Пэт, – говорит Марк.

– Хорошо.

– Мне просто кажется, что не стоит ее беспокоить.

– Я же сказала: хорошо.

– Как ты, Ал?

– А ты как думаешь? Я запуталась. Доктор, по сути, сказал, что я свихнулась.

– Эй, да он просто мудак, – говорит Марк. – Хорошенькое отношение к пациентам.

– Это правда, но его манеры – не моя проблема. Моя проблема – я сама. Что у меня не так с головой?

Марк снимает руку с руля и пытается погладить плечо Алиссы, но она отстраняется.

– Ты все осложняешь, – говорит Марк. – Я пытаюсь тебя поддержать, а ты так себя ведешь, словно я насильник какой-то.

– Прости, – отвечает Алисса. Но ей не стыдно. Она не испытывает никаких чувств к этому мужчине, этому заботливому, прекрасному мужчине. Она не испытывает к нему влечения; она не хочет, чтобы он ее целовал. Она не хочет, чтобы он ее трогал. От одной только мысли о прикосновении она покрывается мурашками. Как он может быть ее мужем?

– Ты не злишься на меня? – спрашивает Марк.

– Нет.

– Тогда в чем дело? – В голосе Марка проступает напряжение.

«Неужели я обязана любить этого человека? Быть с ним вежливой?»

На окно со стороны Алиссы садится какое-то существо. Оно, кажется, состоит исключительно из пары плоских крыльев, приделанных к тонкому позвоночнику. Словно живой воздушный змей примерно в фут шириной. Алиссе видны хрупкие ребра, поддерживающие крылья изнутри, и кровь, текущая по тонким сосудам. На одном конце позвоночника заметно небольшое вздутие с двумя фиолетовыми кляксами, – возможно, это глаза.

– Что это? – спрашивает Алисса.

– Эолия. Ты не помнишь эолий?

Существо кажется ей отчасти знакомым, но не само по себе. Алисса разглядывает позвоночник, наискосок протянувшийся через стекло. Видит бесполезно подергивающиеся рудиментарные лапки и периодическое подрагивание крыльев.

И.

И другое насекомое в другом месте и другом времени. С металлическим телом – сплавы и полимеры, чисто функциональный дизайн, никакого внимания к эстетике. С чрезмерным количеством конечностей. Поразительно тихое. Окруженное тьмой. Покрывающие все тело глазки и кончики множества усиков источают свет. Как будто оптоволоконные кабели.

И.

Оно исчезает. Эолия отлепляется от стекла, и Алисса видит, как она поднимается с воздушным потоком, взмахнув крыльями всего пару раз, легкая и свободная. На окне остается тонкая пленка слизи, искажающая очертания города.

Движение останавливается, и уличный торговец направляется было к Алиссе с жареной кукурузой, но передумывает, когда машины трогаются с места.

– Ты как будто где-то далеко, Алисса, – замечает Марк.

– Я очень далеко, в очень многих смыслах, – отвечает она.

– Ну так вернись. Мы приехали за нашей дочкой.

Марк сворачивает на подъездную дорожку, и Пэт выскакивает из дома, нагруженная разноцветными подарками и окрыленная детством. Машина узнает ее и открывает заднюю дверь со стороны водителя. Алисса не очень понимает, как вести себя с девочкой, но улыбается ей.

Пэт не обращает на нее внимания и немедленно принимается болтать по телефону. Алисса бросает взгляд на Марка.

– Это нормально, – шепчет он одними губами.

Алисса откидывает солнцезащитный козырек и тайком разглядывает девочку в зеркале. У нее короткая стрижка, кустистые брови, а лицо напоминает уменьшенную версию того, которое Алисса видит в своем отражении, только более энергичную, бойкую и самоуверенную. Пэт излучает присущую любимым детям уверенность в том, что она – центр вселенной и с ней никогда ничего не случится. Алиссе интересно, как скоро девочку постигнет разочарование.

«Я не чувствую, что это моя дочь».

Когда они возвращаются домой, Пэт немедленно бросается внутрь, все еще поглощенная разговором. Марк собирает то, что она притащила с праздника.

– Есть что-нибудь? – он стучит себя по виску указательным пальцем.

– Ничего, – отвечает Алисса. – Кажется, какой-то кусок фантастического фильма всплыл. Ни тебя, ни Пэт я не помню.

Алисса замечает, что с другого конца обранленной одинаковыми домами улицы на нее смотрит женщина. Она чернокожая и стоит так неподвижно, что непонятно, живой это человек или статуя. А потом женщина разворачивается и уходит. Может, они с Алиссой знакомы? У нее кружится голова.

– Мне нужно прилечь, – говорит Алисса.

Алисса перебирает в голове то, что случилось с ней с утра. Она помнит все: пробуждение; лежащего рядом Марка; свой испуг при звуке голоса Пэт; побег в ванную; поездку к доктору; боль от иглы, через которую у нее брали кровь; гудение кондиционеров; прыщи на лице специалиста, управлявшего сканером; почти эротическую картину того, как она лежит на столе, уезжающем в круглое нутро томографа; дорогу домой; смотрящую на нее женщину – абсолютно все.

С ее памятью все в порядке. Алисса испытывала ее, заучивая строчки текстов и серийные номера стоявших дома приборов. Она помнит все, что увидела, – но ничего из того, что происходило с ней до этого дня.

Ее тошнит, но желудок пуст и рвота не принесет облегчения. Это странная тошнота; она угнездилась не только в животе, но и во всем теле, вплоть до кончиков пальцев. Даже лишившись воспоминаний, Алисса знает, что тошнота ощущается не так, но еще она знает, что не существует названия для того, что она чувствует на самом деле: потребность исторгнуть из себя не просто пищу, но и вообще все.

Она набирает полную грудь воздуха и кричит.

Глава пятая

Аминат

– Мир этому дому, сучки! – восклицает Аминат, поднимая на уровень плеч зажатые в руках бутылки водки. И трясет плечами, изображая, что танцует лимбо.

Беа выхватывает у нее бутылки, приобнимает Аминат и немедленно возвращается к приготовлению пунша.

– А ты не торопилась, девочка. Я уж думала, тебя прирезали где-нибудь.

– Аминат! – визжит Эфе. Целует воздух и стягивает с плеча Аминат ремешок сумочки. – Бросай эту штуку и айда за мной. Фисайо себе сиськи увеличила.

Беа закатывает глаза.

– Дай женщине присесть сначала, а потом уже начинай свои *amebo*.

Эфе подхватывает Аминат под локоть и тащит в глубину комнаты.

– Ей в лаборатории имплантаты вырастили из собственной ДНК. Ощущаются как родные, говорит, даже шрамов не осталось.

– А она разве не близняшка...

– О да! Даже ее муж не может их различить.

Беа фыркает:

– Я слыхала, он их *и раньше* не различал.

Все смеются, и вечер начинается.

– А где Офор и малыш Офор? – спрашивает Аминат.

– В деревню уехали. К свекрови, – отвечает Эфе.

– *Naba*. А ты чего не поехала?

– Вот уж увольте. Я ее терпеть не могу. От нее только и слышишь, что «Эфе, вот как надо резать ата родо⁹» да «И сколько еще ты собираешься жарить плантаны?» *Abeg*.

Они пьют и делятся всевозможными подробностями своей жизни. Это дом Эфе, и за эркерным окном виден северный ганглий. Сегодня он мерцает и время от времени стреляет сухими молниями. Они смотрят на него, и Аминат видит на лицах подруг отблески синего света. У Эфе круглое лицо и светлая кожа, она ниже остальных и болтлива, но добродушна. Беа – худая, сплошь острые углы и сарказм. Аминат знает и любит их целую вечность. Порой единственное, что помогает ей не свихнуться, – эти встречи раз в несколько недель. Она хотела бы рассказать подругам, что летит в космос, ей нужно рассказать им, но она не может. Поэтому Аминат просто принимает как факт, что, если бы она им все же рассказала, они бы ее поддержали. Она точно это знает и поэтому успокаивается.

Разговор продолжается, но Аминат участвует в нем лишь постольку-поскольку. Не замыкается, но чувствует себя отстраненной. Она почти не пьет и лишь вполуха слушает рассказ Эфе о новых охранных системах, которые установил в доме ее муж. Для Офора это скорее хобби – пытаться встроить в жилище как можно больше новых технологий. Аминат просто наслаждается ангельской улыбкой, возникающей на лице подруги, когда та рассказывает о приключениях мужа, и счастьем, звенящим в ее голосе, когда разговор заходит о сыне.

В машине ее настигает звонок матери, которой не терпится пожаловаться на отца. Аминат выслушивает ее как покорная дочь и заканчивает разговор, посчитав, что прошло уже достаточно времени, чтобы это не показалось невежливым. Когда она подъезжает к Атево,

⁹ *Ата родо* – нигерийское название одного из сортов перца чили, также известного как карибский красный перец и «scotch bonnet».

купол озаряет ночь ярким голубым сиянием. Ближе к земле тьма испещрена точечками света – это не дома, а падуны. Из-за них на этом участке шоссе никто ничего и не строит. Падуны – это ксенофлора, которая пытается имитировать человека, чтобы приманивать добычу. Днем их маскировка выглядит нелепо – они напоминают картонных людей с биолюминесцентными глазами. А вот ночью она действует на удивление эффективно – на детей или приезжих. Не в меру любопытных падуны обливают едкой жидкостью и медленно поглощают. Мэр уже несколько лет говорит о том, что их нужно истребить, но благотворительная организация его супруги с этим не согласна.

Аминат паркует машину, снимает туфли и идет к дому босиком. Охранный протокол засекает ее РЧИД и открывает дверь. В доме темно, но она решает не включать свет. Йаро коротко рычит, подходит к ней, размахивая хвостом, и утыкается холодным носом в голень. Аминат гладит это чудовище по голове. Она не понимает, в каких они отношениях. Йаро – пес Кааро, к Аминат он особенно теплыми чувствами так и не проникся. Для собаки он посылает слишком противоречивые сигналы.

– Где твой хозяин? – спрашивает она у пса.

– Я тут.

Йаро опережает Аминат и усаживается у левой ноги Кааро. Тот сидит за столом и читает книгу. Его лицо освещено настольной лампой; он улыбается своей кроткой улыбкой. Аминат понимает, что любит этого мужчину, по тем чувствам, что охватывают ее каждый раз, когда она его видит. По этому неопишуемому ощущению в животе – словно она одновременно слабеет и обретает сверхспособности. Аминат бросает свои туфли у двери в кабинет.

– Привет, – говорит она.

– Привет, – отзывается Кааро. И машет ей рукой.

– Ноги жутко устали. Что читаешь?

– Билла Хикса. «Люби всех людей».

– Понятия не имею, кто это. Наверняка умер еще до моего рождения.

– И до моего тоже.

Кааро встает, и они целуются. Его руки блуждают по телу Аминат и наконец останавливаются на ее спине.

– Хм. Ароматизированная водка. Как девочки?

– Живут долго и процветают. И хватит о них. Как ты?

– Все в норме. Знаешь, ты забыла позвонить отцу, и он вроде как ревнует, потому что с мамой ты поговорила.

– Блин!

– Не бойся. Я его успокоил. Лайи передает привет.

– Мы съездим к ним на следующей неделе. – Аминат сжимает ягодицы Кааро – этот сигнал означает, что им нужна приватность. Закрывает глаза и ждет.

Все меняется. Они больше не в доме. Здесь их никто не подслушает.

Кааро, ее любимый, перемещает их в место, где любая хронология событий сомнительна. Время может сжиматься или растягиваться. Пространство становится таким, каким они хотят его видеть. Кааро перенес их на невероятно широкий травянистый луг. Здесь солнечно и ветрено. Пчелы перелетают с цветка на цветок. Ветерок касается кончиков травинок, и они отрываются, взлетают в воздух, закручиваются вихрем и исчезают в небе. Вдалеке видны горы, а за ними уходит головой в облака колоссальное существо с вечно распахнутым ртом. Это Боло – ментальный страж Кааро. Аминат это все напоминает какую-то из «Мрачных картин» Гойи.

– Ты здесь что-то поменял? – спрашивает она.

– Нет, перед твоим приходом я занимался исследованиями, – отвечает Кааро. – Я экспериментирую с защитными свойствами открытых пространств.

– Разве это не опасно?

– Боло меня защитит.

Считается, что Кааро – последний из сенситивов, людей, которых ксеноформы наделили множеством странных способностей. Всей информацией Аминат не обладает, однако ксеноформы образовали в атмосфере Земли информационную сеть, и сенситивы могли получать к ней доступ, а значит – читать мысли других людей и даже заглядывать в будущее. Кааро называет себя квантовым экстраполятором, потому что так его охарактеризовал Энтони – аватар Польни. Что-то случилось, и пришельцы решили убить всех сенситивов, но почему – никто не знает. Они и Кааро убили бы, если бы его не спас Энтони. Кааро работал на О45, но уволился после того, как чуть не погиб на службе. Феми Алаагомеджи пытается скрывать это, но она хочет, чтобы Кааро вернулся к ним.

Аминат гладит его по щеке.

– Я люблю тебя. Просто захотелось это сказать.

– Пока не говори. – Кааро улыбается. – Мне нужно концентрироваться, чтобы мы отсюда не выпали.

Аминат видит, как вдалеке – на расстоянии примерно в милю – шевелится трава. Что-то на огромной скорости мчится к ним, приминая стебли.

– Кто-то приближается.

– Я знаю. Их тут много. Не беспокойся. – Кааро указывает на других.

Трава шевелится еще в пяти местах. Движение кажется целеустремленным, и у Аминат не получается расслабиться так, как это, похоже, удается Кааро.

– Кто это?

– Страшили из моего подсознания, люди, которых я встречал или выдумал. Когда мы оказались у меня в голове, они обрели плоть. В последнее время отгонять их охренеть как утомительно.

Говоря это, Кааро раздваивается; его призрачный двойник поднимается в воздух и улетает.

– Такого я еще не видела, – говорит Аминат. – Это что?

– А, это неслучившийся я. Пустые размышления о том, что могло бы быть. Не обращай внимания.

Через случайные промежутки времени от него отслаиваются все новые и новые копии. Аминат это отвлекает, но она сосредотачивается на Кааро.

– Мы можем говорить? – спрашивает она.

– Да. Как Эфе?

– Ну, ты же ее знаешь. Сегодня она поведала мне, что для того, чтобы свести мужика с ума, нужно после первого секса сказать, что ты ни с кем еще так не кончала. Или что с другими тебе приходилось имитировать оргазм. Целую пьяную лекцию закатила.

Кааро улыбается. Ему нравятся ее подруги; по крайней мере, он ведет себя так, словно они ему нравятся.

– Кааро, меня хотят отправить в космос, – говорит Аминат, резко посерьезнев.

– Правда?

– Да. Они хотят, чтобы я полетела к «Наутилусу», пристыковалась и взяла образцы воздуха и тканей космонавтов.

– Или их останков. От этой станции уже сколько лет никаких сигналов не было.

– Нам не все рассказывают. Кто знает, может, им все это время припасы поставляли?

– Ты им доверяешь?

– В смысле?

– Ну, О45 не славится честностью или открытостью. Феми...

– Безжалостна, да, ты мне уже говорил. Я не знаю. Мне сказали всего несколько часов назад.

Один из страшил уже очень близко, всего в пятидесяти ярдах, и Аминат чувствует себя беззащитной и неспособной ничего с этим поделать.

– Кааро...

С небес обрушивается деревянный столб и с чудовищным грохотом сокрушает нападающего. Земля – уж какая есть – трясется, ударная волна взбаламучивает мирно парящие кончики травинки. Над ними возвышается Боло.

– Говорю же, не беспокойся, – отвечает Кааро. – И что будет дальше?

– Видимо, тренировки. Я ведь себя запустила, скажи?

– Милая, да на тебе ни грамма жира.

– Да, но мне предстоит шесть месяцев тренировок на выносливость. Придется вернуться к борьбе с лишним весом. Сегодня у меня было что-то вроде прощания с алкоголем.

– А как с другими вещами?

– Ты о чем?

– С другими видами тренировок?..

– Вытащи меня отсюда, и мы испытаем *твою* выносливость.

Глава шестая

Бевон

После двадцатиминутной задержки поезд снова набирает ход. Бевон ненадолго открывает глаза, чтобы выглянуть в окно и убедиться, что они движутся. Потом пробегает взглядом по другим пассажирам и снова смежает веки.

Соседей трое – парочка девчонок-подростков, сидящих рядом и одетых как на вечеринку, и пожилой мужчина лет пятидесяти или шестидесяти, который болтает с ними через несколько пустых сидений.

– Как вы думаете, может, это кто-то на рельсах? – спрашивает одна из девчонок, когда поезд снова останавливается. В ее голосе сквозит беспокойство.

Старик говорит, что такое случается часто, и девочка спрашивает, видел ли он когда-нибудь мертвеца. Старик рассказывает, что один из его друзей повесился, и он обнаружил тело. Вторая девчонка вклинивается с историей о парне ее матери, который пытался спрыгнуть на рельсы, но полиция ему помешала. Но это, по-видимому, не умалило его решимости, потому что месяц спустя его, прожаренного до хрустящей корочки, нашли рядом с южным ганглием. Якобы это случилось до того, как вокруг ганглия построили станцию инвертора Окампо. Поезд снова трогается.

Бевон перестает прислушиваться. Объявляют станцию Киншаса, и он сходит, чувствуя себя опустошенным. На улице темно, а все такси и окады¹⁰ куда-то запропалились. Вечер субботы, почему их нет? На стадионе висят афиши какого-то поп-идола – наверняка именно на его концерт собрались те девчонки, и это же объясняет отсутствие транспорта. Бевон решает идти пешком. Все равно он не может позволить себе такси. Он вернулся после недельного собеседования в Лагосе. Двенадцать претендентов на одну должность. Проезд и проживание они оплачивали сами, а денег у Бевона было в обрез.

Сверху спускается дрон, проверяет его ИД-чип и улетает прочь – все это занимает меньше минуты. Бевону хочется разнести следующий дрон, который он увидит, – разнести хоть что-нибудь.

К дому он подходит в прескверном настроении. Двое парней из квартиры 16а проталкиваются мимо него к выходу, задевая его одежду из-за тесноты коридора. Бевон подозревает в них гомиков и думает, не сообщить ли об этом властям, ведь гомосексуализм в Нигерии незаконен. Ему не нравится соприкоснуться с геями. Они грязные и любят... показушничать. Вот правильное слово. Выставлять напоказ себя и свою грязь. Однажды Бевону придется с этим что-то сделать. Сообщить о них властям. Имена их он не помнит, но парни улыбаются ему, когда не... показушничают и не резвятся. В последнее время каждый раз, когда Бевон переступает порог супермаркета, перед ним высвечивается объявление о розыске практикующей лесбиянки. Может, ему стоит дать объявление и насчет этой парочки.

Бевон отпирает квартиру и вваливается внутрь, ободрав голень о деревянный сундук, который неделю назад затащил в гостиную. Он ругается, хоть и знает, что винить в этом некого, кроме себя. Пинком захлопывает дверь, бросает на сундук дорожную сумку и щелкает выключателем. Никакого результата. Он наощупь пробирается вглубь квартиры и пробует другой выключатель. Ничего. Бевон осознает, что не слышит холодильника и других приборов. Это авария – или ему отключили электричество? Он не помнит, оплатил ли в этом месяце счет. Ситуация его бесит, потому что правительство не отдает за электричество ни гроша. Его предо-

¹⁰ *Окада* – нигерийское мототакси.

ставляет пришелец. А правительство только дерет деньги за станцию да за то, что поставляет энергию в дома. Быть может, позднее он сможет подключиться к сети нелегально.

Бевон идет на кухню: его мучит жажда и нужно как-то ее утолить. Под холодильником растекается лужа грязной воды, воняет гнилью. Бевон хватает стакан и открывает кран. А потом, в уличном свете, замечает, что из раковины что-то растет.

Он наклоняется поближе.

Это побег растения – бледно-зеленый, едва живой; всего лишь пара примыкающих друг к другу листиков, и еще третий, свернутый в узкую трубочку, тянувшийся к звездам.

Ну уж нет. Никаких тебе звезд.

Бевон зажимает побег между указательным и большим пальцами и выдергивает из стока. Выбросив его в ведро, он думает, что это, должно быть, пророс боб, оставшийся с того раза, когда он в последний раз готовил. Кажется, он смыл несколько штук в раковину перед уходом.

Когда он допивает воду, росток уже вылетел у него из головы.

После душа Бевон мастурбирует. Ему нравится, когда запах спермы вводит его в некое подобие посткоитального состояния, как будто он только что переспал с женщиной. Когда-то женщина у Бевона была, но ушла. Она его не понимала. Бевон убеждает себя, что не скучает по ней, но время от времени и сам сознает, что это неправда.

Он тратит двадцать минут на телефонный спор с домовладельцем из-за электричества. Он из Роузютера. Он помнит, что в первые дни никаких счетов не было, только бесплатная энергия от ганглиев. Чертов инвертор Окампо. Бевону придется ждать два дня, прежде чем электричество подключат. Он сидит в темноте и пытается понять, как дошел до такой жизни. Ему все еще хочется пить, и он возвращается на кухню, огибая холодильник. У него есть карманный фонарик, но для того, чтобы избавиться от сгнившей еды, нужно больше света.

У раковины он снова останавливается.

Росток вернулся.

На секунду Бевону кажется, что это то же самое растение, и он проверяет мусорное ведро. – Какого хуя...

Этот побег на два или три дюйма выше первого, и цвет у него более темный. Более здоровый. Вот правильное слово. Более здоровый оттенок зеленого. Бевон пожимает плечами, пытается выдернуть росток и вскрикивает, ощутив болезненный укол. В тусклом ночном свете видно плохо, но Бевон чувствует, что у него течет кровь. Он засовывает палец в рот и обсасывает. Потом зажигает спичку и при дрожащем огне осматривает его. Ранка неглубокая. Бевон переводит взгляд на раковину.

У растения – у нового побега – есть шипы. Как у белены, только эти толще и покрывают стебель и листья.

Бевон озадачен, но думает, что для этого есть логичное объяснение. Этот сорняк не успел бы вырасти, пока он дрович в ванной. Он, наверное, скрывался внутри сифона и упирался в первый росток. А когда Бевон выдернул первый, этот распрямился. Распрямился, вот правильное слово. Он распрямился и выглянул через сток. У Бевона нет ни электричества, ни особого желания работать, поэтому он решает, что дождется утра, а уж потом вытащит сифон и вытряхнет из него ту дрянь, которая явно обеспечивает пропитание бобовому ростку. Хотя на бобовый росток эта штука больше не похожа.

Бевон открывает шкафчик и достает зазубренный столовый нож. Складывает пополам кусочек картона, захватывает с его помощью стебель как можно ближе к стоку и перерезает его. Растение поддается легко. Бевон собирается выкинуть его в мусорное ведро, но потом ему в голову приходит мысль получше. Он бросает росток на пол и наступает на него, растирая ногой так, словно давит насекомое, – месть за укол. Его домашние вьетнамки для такого недостаточно жесткие, и Бевон использует ножку кухонного стула, превращая растение в зеленый мазок.

Потом собирает то, что от него осталось, и выбрасывает. Смачивает водой тряпку, вытирает пол, а потом выбрасывает и ее.

Он моет руки, внимательно приглядывая за стоком. Потом направляется к двери, но по пути оборачивается и смотрит на раковину, убежденный, что в ней что-то будет. Ничего. Глупости какие.

Бевон ложится в постель. Спит он беспокойно, и ему снится, что он превращается в огромную ракету. Через час он просыпается, решает, что не желает держать останки растения у себя дома, выносит ведро – в кухне шестнадцать раз взглянув на раковину – и вываливает мусор в стоящий на улице бак.

А потом возвращается в кровать, и спится ему на этот раз куда лучше.

Глава седьмая

Энтони

Глубоко под Роузуотером Полынь вытягивает ложноножку, непохожую на тысячи других покрывающих ее выростов. Эта конечность движется вверх и на юго-запад, к болотистой и плодородной почве у берегов Йеманжи. И она не просто ползет. Кончик ее напоминает луковицу и с каждой милей становится все больше. Внутри этого кончика делятся, дифференцируются и образуют ткани все большей сложности клетки. Луковица поглощает сырье из окружающей среды, что помогает ей продвигаться вперед, а еще обеспечивает материал для роста. Мертвые и разлагающиеся растения, земля, камни, ил, вода, а также захороненные металлы, пластик и строительный мусор разрушаются инопланетными энзимами и превращаются в органический углерод, кислород, водород, азот, кальций, серу, фосфор, натрий и микроэлементы, необходимые для выращивания тела. Примитивные синапсы объединяются, поначалу робко, а потом уверенно. Химические гонцы носятся туда и обратно, и Энтони приходит в сознание.

У него не получается открыть глаза, потому что вместо верхних и нижних век их закрывает ровная кожа. Он чувствует, как достраивается его тело, как железы выделяют пробные жидкости, как органы занимают положенные места в животе, а хрящевой каркас, оссифицируясь, становится костями. Пуповинная ткань покрывает лицо Энтони, соединяя его с Полынью, поставляя ему необходимые питательные вещества, и окутывает его защитным коконом. Внутренним ухом он ощущает движение; скорость колеблется между пятью и семью милями в час.

Вскоре мозговая кора Энтони развивается достаточно, чтобы взять на себя руководство созданием его тела. Он даже поддается настойчивым требованиям генетического кода и позволяет вырасти бесполезному аппендиксу.

Он уже в воде, медленной и мутной, движется против течения. Ложноножка замедляется, останавливается. Энтони слышны подводные шумы – бульканье и периодические всплески. Разрез отделяет верхние веки от нижних, и он моргает. Его все еще окружает матка Полыни, и воды Йеманжи его не касаются. Вокруг темно, и Энтони понимает, что сейчас ночь. Он в метре под поверхностью реки. Текущая вода не позволяет ему связаться с ксеносферой, однако он уже достиг необходимого размера и чувствует, как Полынь перекрывает ему доступ к своим питательным жидкостям и артериям, а ложноножка распадается. Она теряет гибкость, затвердевает, трескается в нескольких местах и в конце концов переламывается где-то ниже по течению. Энтони ощущает турбулентность. Он вырывается из кокона, точно птенец, разбивающий скорлупу. Холодная речная вода обжигает его, но Энтони немедленно приказывает гипоталамусу вырабатывать тепло в качестве контрмеры. А потом срывает пуповинную ткань со своих носа, рта и груди.

Энтони выплывает на сушу, но оказывается на южном берегу. Город на другой стороне, и ему приходится нырнуть обратно и плыть на север. Темноту нарушает только пульсирующее сияние биокупола. Глаза Энтони обзаводятся тапетумом, даруя ему ночное зрение. Он гол и не озаботился тем, чтобы вырастить себе целлюлозную одежду, как делал раньше.

Ксеноформы быстро подключаются к нему, и через несколько наносекунд он становится частью сети. Они затапливают его информацией о температуре, токсинах в воздухе, людях поблизости, страданиях недавно спиленных деревьев, брачных песнях сверчков.

Впереди, в темноте, Энтони замечает сброшенные балахоны. Он знает, что их оставили здесь члены культа Йеманжи. Они приходят к реке, чтобы впасть в экстаз и транс одержимости. Он не понимает, зачем при этом сбрасывать одежду – это ведь не секс-культ, – однако надевает балахон и прячет голову под капюшоном. Цвет собственной кожи ему не виден, но

Энтони знает, что его нужно будет отрегулировать первым же делом. В прошлом по цвету кожи в нем опознавали искусственного человека. Не тот оттенок коричневого. Люди странные.

Не успев двинуться дальше, он ощущает в ксеносфере присутствие. Оно ему знакомо, и сообразив, кто это, Энтони подавляет вполне человеческий стон.

– Привет, Молара, – говорит он.

Она предстает перед его внутренним взором в своем излюбленном облике: чернокожей женщиной с огромными крыльями бабочки за спиной. На ней какая-то прозрачная одежда – подобие ночной сорочки, – но она ничего не прикрывает. Волосы у Молары короткие, как у мальчика.

– Что ты делаешь? – спрашивает она. – Куда ты собрался?

– Разве ты не знаешь?

Молара – разумная часть ксеносферы, но в то же время подчиняется своему предназначению. Она – собирательница информации, ее задача – просеивать накопленные в ксеносфере данные и передавать их Дому в виде пакетов. Людям она является в облике ночного кошмара, вторгающейся в их сны текучей тени, на лице которой видна лишь огромная, усеянная зубами пасть, с миллиардами суставчатых лап, с помощью которых она подсоединяется ко всем разумам на свете. А еще она может играть роль суккуба и погубила всех людей-сенситивов. Кроме одного, Кааро, которого ей запретил убивать Энтони.

– Я знаю все, что можно знать, – отвечает Молара.

– А знаешь ли ты, где нашел себе приют квантовый призрак?

Она не отвечает.

– Так я и думал. Я отправляюсь в Роузютер, чтобы его найти.

– Тебе не нужно этого делать, – говорит она. – Призрака можно отыскать в ксеносфере.

– И все же ты его не отыскала.

– Это большая...

– Я знаю. Куратор Луа хочет, чтобы эта проблема была решена как можно скорее, и если мы будем работать параллельно, это только увеличит наши шансы.

Молара легонько взмахивает крыльями – темно-синими, усеянными черными пятнами. Она парит на ментальных потоках, окруженная психическими миазмами. Ее губы приоткрыты, и Энтони чувствует, как человеческая его часть реагирует на это. Он не знает, добивалась ли Молара такого эффекта.

– Не мешай мне, опора.

– Если бы ты справилась со своей работой, мне не пришлось бы делать ее за тебя, – говорит Энтони.

– Что? – Она прищуривается.

– Эта задача проста и незамысловата. Ксеноформы захватывают человеческое тело, ты посылаешь сигнал, куратор отправляет тестового призрака. Ксеноформы настроены на прием сознания. Так как же ты могла облажаться? А ведь ты облажалась.

– Я не знаю, но я это выясню.

– Сначала мы найдем квантового призрака, – говорит Энтони. – А уж потом займешься самодиагностикой.

Молара, похоже, обдумывает ответ, но Энтони покидает ксеносферу. Он бос, и чтобы защитить ноги, отращивает на них слой мозолей. Он бредет по грязи и болотной жиже, пока *terra* не становится *firma*. Растительность здесь изобильна, и он пробирается сквозь заросли слоновой травы. Встречается и фауна, но животные разбегаются прежде чем Энтони приближается к ним: галаго, крысы тростниковые и крысы обычные. Погода не ветреная и не холодная, а его развевающийся балахон шит из хлопковой ткани. Время от времени на пути попадаются брошенные каноэ, старые, разохшиеся. Весел на них нет. Энтони слышит копошение

животных под землей, шум машин впереди и летучих мышей над головой. Он приближается к дороге.

Ни один нигериец не станет посреди ночи подбирать на дороге босого человека в балахоне с капюшоном. В свете фар проезжающих машин Энтони различает цвет своей кожи и делает ее темнее, более похожей на кожу его друга Кааро. Ему непонятна эта кутерьма с цветом. Она чисто человеческая. Их ДНК почти идентична – а они дискриминируют друг друга из-за того, волны какой длины отражает их кожа, насколько у них выступает челюсть, какой формы их глаза или нос. Безумие. Такое же, как их одежный фетиш.

Энтони направляется в Роузуотер.

Город шумнее и больше, чем ему помнится. На окраине Энтони замечает жилища, законность которых сомнительна. В этих лачугах из досок и рифленой жести влачат свое существование нищие. Энтони может украсть их одежду, но не крадет. Какой-то мучимый бессонницей бедняга замечает его, принимает за духа и с воплями убегает, моля иудео-христианского бога о защите.

Энтони не останавливается. Идет, не сбавляя шага, и пытается сообразить, как ему отыскать квантового призрака. Он вспоминает о деньгах. От людей ничего не получить просто так. Требуется оплата – разновидность обмена – или хотя бы ее обещание. Ему нужно будет слиться с толпой, найти себе нормальную одежду. Ближайший к Йеманже район называется Она-око, и живут здесь бедняки. Он не может делать их еще беднее, отбирая то, в чем нуждается. Размышляя, как ему быть, Энтони замечает на дороге четырех реаниматов. Они не двигаются; стоят рядом друг с другом, покачиваясь, словно под музыку. Для верности Энтони заглядывает в ксеносферу. Они – ментальные пробелы, не отбрасывающие психических теней. Полые люди. Это уже слова другого поэта.

Ну что же.

Значит, насилие.

Он накачивает свой организм кортизолом и адреналином, а разум – стихами. Нарращивает мозоли на костяшках, хотя времени на то, чтобы создать полноценный слой, ему не хватает. Энтони подпрыгивает, а потом переходит на бег и стискивает кулаки, приближаясь к реаниматам. На звук оборачивается лишь один.

Мы молча шли асфальтом скользким,
И через каждый ум
Носилась Память об ужасном,
Как ветра дикий шум.¹¹

Энтони вспоминает, как драться. Прыгнув, он ударяет первого реанимата в нос, но не рассчитывает силу и раскалывает его череп. Склизкая мешанина из крови, мозгов и костей обдаёт его и прочих полых людей.

И перед каждым мчался Ужас.

Тело падает на землю с влажным шлепком, а оставшиеся реаниматы слепо, автоматически бросаются на Энтони. Он отбивается от них открытыми ладонями – не хочет пачкать одежду реаниматов кровью их павшего товарища. Их удары бессильны, за ними нет ни настоящей цели, ни злости, ни куража. Ему не нужно даже повышать уровень эндорфинов, чтобы вытерпеть боль.

¹¹ Оскар Уайльд, «Баллада Рэдингской тюрьмы» (пер. В. Брюсова).

Энтони пинает одну из них в колено, слышит, как трескаются бедро и коленная чашечка. Берет голову реаниматки в захват и перескакивает через нее, ломая шею. Третий приходит в замешательство и останавливается. Энтони пинает его в грудь, круша кости и хрящи, моментально останавливая сердце.

И Страх стоял, угрюм.

Энтони вспоминает, что среди прочих идиотских требований к одежде есть и такое: у каждого пола она своя; это его раздражает, потому что женская одежда приятнее на вид и часто шьется из более удобной ткани. Он снимает с мужчин вещички почище и сбрасывает свой белый балахон. Одежда на нем болтается, но он наращивает слой жира, чтобы это исправить. С ботинками все хуже – ни одни на него не налезают. Он находит немного денег.

Энтони разрывает плоть одного из реаниматов и извлекает имплантат. Его он проглатывает, изменив состав желудочного сока так, чтобы имплантат не разъело. Возможно, он еще не отключен, а в городе Энтони понадобится ИД.

Ночами жадно гложет кости,
Днем гложет плоть лица,
Поочередно плоть и кости,
Но сердце – без конца!

Энтони в курсе, что от него воняет, но, по крайней мере, вид у него теперь более приемлемый.

Интерлюдия 2055, Лагос *Эрик*

До меня дом, в котором я живу, был недостроенным и необитаемым, с неоштукатуренными стенами, но для Лагоса это дело обычное. В первые несколько недель после возвращения из Роузотера мне приходилось запирать дверь спальни, дверь квартиры, переднюю и заднюю двери дома и калитку. Потом я просто перестал отпирать заднюю дверь по будням. Я подружился со строителями и почувствовал себя в относительной безопасности. Меня ни разу не обокрали. Поначалу я думал, что дело в удаче, но потом узнал, что О45 тратит кучу денег на подкуп местных преступников, чтобы те держались подальше от его отдыхающих агентов.

Каждый день у меня рабочий, за исключением второй половины воскресенья. Мне выделили кабинет без окна. До острова Лагос я добираюсь дерьмовым общественным транспортом через Третий материковый мост, на котором уменьшили количество полос, пока обкатывается система автопилота. Через год водить на острове машину самостоятельно будет незаконно. Я не против автоматического управления, но мне интересно, что будет, когда всем движением станут рулить ИИ.

Моя контора расположена на Брод-стрит, я работаю там вместе с еще четырьмя агентами и вспомогательным персоналом; имен друг друга мы не знаем. У каждого свой кабинет, но разделены они исключительно гипсокартоновыми стенами, и звукоизоляция здесь никакая. Никто ни с кем не разговаривает, если не считать традиционного обмена любезностями, а из-за синяков, оставленных кулаками Джека Жака, в первую неделю я избегал остальных. Не знаю, рассказывали им что-то о моем провале или нет, но сам я переживаю его очень болезненно. Повсюду мне мерещатся изуродованные тела, о случившемся напоминает все. Горячий кофе, отделанная под дерево мебель, хлопающие двери, дроны-курьеры – все что угодно.

Я занимаюсь передачей информации. Получаю наводки по телефону или через Нимбус. Провожу начальные исследования, а потом передаю результаты дальше. Где-то раз в десять дней мне выпадает возможность покинуть контору и что-нибудь проверить. Обычно это какая-то фигня. Женщина жалуется, что мать ее мужа пьет кровь по ночам; призраки, призраки и снова призраки; сообщения об инопланетной фауне, которые оказываются либо розыгрышами, либо ошибками; несколько случаев психиатрических заболеваний; одна зрелищная уличная драка в Оджота с участием пятнадцати человек, в которой полицейским померещилось сверхъестественное вмешательство. Отчасти они правы. Я замечаю след дикого сенситива, но он давно ушел.

Меня бесит та чепуха, которой приходится заниматься, но я знаю, что полезен только пока подчиняюсь приказам, и поэтому терплю. Во время волны сообщений о столкновениях с духами посещаю и опрашиваю истеричных деревенщин из Бадагри, рыночных торговцев в Мушине и чрезвычайно перепуганных адвентистов седьмого дня в Алагбадо. Хожу на собрания фундаменталистов, проверяя, не имитирует ли кто-нибудь из проповедников сверхъестественные явления с помощью нанотехнологий или доступа к ксеносфере. Они этого не делают.

Я читаю ежедневные сводки, чтобы оставаться в курсе, но ничего, касающегося лично меня, мне не присылают. Правила обязывают меня поддерживать форму, поэтому я хожу в спортзал и в тир. И еще выполняю минимальные требования по рукопашному бою, занимаясь боксом.

Вечерами я брожу по улицам. Из-за поглотителей углеводов фонари смотрятся уродливо, но с этим ничего не поделаешь. Я нахожу недавно открывшиеся закусочные с очередями на целый квартал, где подают острый рис и суп из козьего мяса. Хожу на концерты в Иганму

и на стадион в Сурулере. Отыскиваю уютные джаз-клубы и забегаловки с открытым микрофоном, куда нищие музыканты приходят в надежде, что их заметят богатые продюсеры, военные или щедрый папик. Отправляюсь в Ипаджу взглянуть на Погребенного Великана – все, что осталось от идиотской попытки защитить страну с помощью гигантских роботов: земля не смогла выдержать его тяжести, робот ушел в болотистую почву, и вот уже больше десятка лет из нее торчат только голова и плечи. Батарея и ИИ до сих пор работают, и он изрекает таинственную чушь, подобно Дельфийскому оракулу. Когда подходит моя очередь, я записываю то, что он произносит: «Харам, смерть, Библия, джихад, бизнес, ошеломительная победа». Это ни о чем мне не говорит, и я ухожу раздраженный.

Спится мне плохо. Я беспокоюсь, не оставил ли Кааро у меня в голове что-нибудь еще, что-то, о чем я не узнаю, пока не придет время, и это меня злит. Во мне клокочет бессильная ярость. Да, он пытался помочь и, скорее всего, спас мне жизнь, но он должен был меня предупредить. Нельзя без ведома людей лазить по их головам и что-то там менять. Если бы я не знал, что меня вычислят, я отыскал бы его в базе.

Я часто танцую в клубах и – в одиночку – дома, в основном под электронную музыку в латиноамериканском духе, популярную в этом году у юных йоруба. Раньше я никогда не танцевал, но мне нужно чем-то себя занять, чтобы отогнать видения изломанных тел.

Самый яркий момент моего года – лекция на тему «Современное вооружение». На закрытое собрание приглашают двоих из моего офиса и одну полевую агентшу из Лагоса, и мы впитываем знания, попутно разглядывая голограммы. Заметки делать нам не разрешают; бестелесный голос заунывно бубнит.

Высокоскоростные адгезивные бомбы, сбрасываемые с высотных дронов. Рельсовые пушки. Пушки Гаусса. Ускорители частиц. Генераторы тепловых щитов. Распылители ионизированных газов. Инфразвуковые генераторы паники. Рвотные пушки. Графеновая броня, при каждом попадании генерирующая электрический разряд. Индийские и китайские боты-турели нового поколения и способы их ликвидации. Вольфрамовые космические копья. Лекция все длится и длится, но четыре часа спустя я уже не могу ее воспринимать.

Во время кофе-брейка я оказываюсь за одним столом с полевой агентшей. Она высокая и спортивно сложенная, с живой улыбкой.

– Эрик Санмола, – представляюсь я, одной рукой поднимая пластиковый стаканчик, а другой – указывая на свой бейдж.

– Аминат Аригбеде, – говорит она и игриво повторяет мой жест. – Как тебе? Я первый раз на таком собрании и не знаю, как оно должно проходить.

– Я тоже не знаю. У меня оно второе.

– Как думаешь, доведется нам хоть что-нибудь из этого использовать?

Я пожимаю плечами.

– Я-то буду рад, если мне хотя бы лук и стрелы выдадут.

– Почему? – Похоже, ей на самом деле интересно, однако я ее не знаю и не могу просто так делиться секретными данными.

– Да я просто шучу. Большая часть моей работы проходит за столом.

Мы смеемся; остаток дня проходит без происшествий, однако месяц спустя мне приказывают принять участие в тактической миссии и среди членов отряда обнаруживается Аминат. Задача легкая, шаблонная: спасти четверых детей-альбиносов, которых сочли колдунами и держат под замком в Иди-Оро. Операция проходит втайне от местных правоохранительных органов, потому что информация от них утекает, как из дуршлага, да и к тому же они могут быть в этом замешаны. Когда мы увозим детей за сто пятьдесят миль оттуда, в Ибадан, Аминат спрашивает: «Здорово было выбраться из конторы, да?» – и я понимаю, что это она выбила мне это задание. Я предлагаю ей пропустить по стаканчику, но она отвечает:

– У меня муж ревнивый. Тебе нафиг не сдалась такая драма.

Однако при этом Аминат улыбается; она из тех людей, с кем хочется проводить время. Но точно не сенситив. Если, конечно, она не настолько сильна, что может укрыться от... Да нет, ерунда.

После операции в Иди-Оро моя жизнь несколько меняется. Я получаю более интересные рассылки от начальства. Меня отправляют на полевые операции, и мне даже пару раз доводится пострелять. Я возобновляю отношения с человеческой расой и начинаю следить за новостями. Китай побеждает в войне стен. Где-то с 2016 года большинство стран к югу от Сахары совместно выращивали стену из деревьев на южной границе пустыни, и некоторые называли ее Великой стеной. Китай протестовал против этого все то время, пока деревья росли и останавливали продвижение пустыни на юг. Наконец Африканский союз согласился называть ее Зеленой стеной. Никто и не сомневался, что так будет; большая часть стран Черной Африки в долгу у китайцев.

В Мэрилендской общеобразовательной школе, в нескольких милях от моего дома, взрывается робот-учитель; погибают четверо учеников, ранено еще двенадцать. Первые несколько дней полиция считает, что это саботаж или теракт, но оказывается, школьный уборщик занимался неавторизованным ремонтом робота, – то есть в переводе на нормальный язык, заменял заводские детали поддельными и продавал их на черном рынке.

Рождество я провожу в одиночестве. Я на службе, меня могут вызвать в любой момент, поэтому я даже напиться не имею права. Я много думаю об Аминат и в конце концов решаю найти ее контактную информацию в системе О45. Как только я отправляю запрос, Нимбус зависает и звонит телефон.

– Агент, объясните цель вашего запроса, – говорит незнакомый голос.

– Я хотел... мы вместе участвовали в операции. Я хотел уточнить...

– Не делайте этого. Вы можете поставить под угрозу дальнейшие операции. Ваше начальство уведомлено об этом.

Вот и все. Поскольку это мое второе нарушение, меня ссылают в море, на войну опреснителей: это два года перестрелок и бесконечных переговоров между тремя компаниями, поставляющими питьевую воду материковому Лагосу. Я оказываюсь хорошим бойцом и заслуживаю несколько благодарностей, но их недостаточно, чтобы я мог вернуться на сушу.

Я больше не танцую; не исключено, что я уже забыл, как это делается. Я читаю «Подлодку» Буххайма как одержимый и в чрезмерных количествах употребляю огорого¹² – единственную выпивку, которая у нас есть. Моя печенка это выдерживает, а вот музыка в моей душе – нет.

¹² *Огогоро* – крепкий алкогольный напиток из сока пальм или сахарного тростника.

Глава восьмая

Алисса

В спальню врываются Марк и Пэт.

Сперва Алиссе показалось, что Пэт пошла в нее, но обеспокоенные выражения на их лицах похожи настолько, что теперь она замечает в девочке и Марка.

– Ал? – спрашивает Марк.

– Мама, ты кричала, – говорит Пэт.

– Прости, детка, – отвечает Алисса. – У мамы болит голова.

Это правда, но кричала она не поэтому. А слово «мама» не кажется ей естественным.

Пэт замечает на кровати книгу и поднимает ее.

– Что это?

– Оскар Уайльд. Избранные стихотворения, – небрежно говорит Алисса.

– Ты поэтому кричала? Книжка плохая? – Пэт улыбается, полная надежды. В этой улыбке – требование ответа, детская мольба о том, чтобы все было хорошо. «Вот только все плохо». Девочка подходит к Алиссе и прижимается к ней. Улыбка у нее по-настоящему чудесная, и на мгновение Алиссе становится легче.

– Ужасная, – отвечает она.

– Да ты же ее ни разу не открывала, – говорит Марк.

– Сегодня открыла. «Ты знаешь все. А я всерьез ищу – в какую почву сеять, – но ей милей пырей лелеять, без ливня и без ливня слез»¹³. Видишь?

Марк поднимает бровь, но ничего не говорит. По его шее расплзается красное пятно, похожее на солнечный ожог.

– Иди вниз, Пэт. Я попозже к тебе зайду, – говорит Алисса.

Пэт набирает чей-то номер, еще не успев выйти из комнаты, и ее голос теряется в глубинах дома.

Марк садится на кровать рядом с Алиссой. Из-за его тяжести она наклоняется к нему, но тут же отодвигается. От него едва заметно пахнет скипидаром.

– Уайльд не так уж и плох, – говорит Марк.

– Марк, я могу запоминать. Я прочитала это стихотворение впервые и помню его. «Ты знаешь все. Я – слепота, я – немощь, сидя жду, как снова мне за последней мглой покрова впервые отпрут врата». Марк, все с моей ебаной памятью в порядке.

– Вот только ты не помнишь ничего.

– Вот только я не помню ничего до сегодняшнего утра. И даже это не так. Я помню, как все делается. Я умею варить кофе и водить машину. Наверное. Я не пробовала. Но я не помню, как мы сюда переехали, и как мы поженились, и даже как я рожала. Я не чувствую себя матерью. Я не чувствую себя женой. Я не чувствую себя женщиной.

– Погоди-ка, вот это я от тебя уже слышал. Ты говорила, что не чувствуешь себя женщиной, после рождения Пэт.

– Правда?

– Да, когда увидела в зеркале, что у тебя живот весь... в складках и растяжках.

– Я этого не помню, но мне кажется, что это не то же самое.

Марк соскальзывает на ковер и встает перед ней на колени. Берет ее руки в свои и сжимает их, как будто в молитве. Алисса призывает на помощь всю силу воли, чтобы не высвободиться и не выдать панику выражением лица.

¹³ Оскар Уайльд, «Истинное знание» (пер. Ю. Морш).

– Что бы это ни было, мы справимся, хорошо? Я с тобой. Я никуда не уйду.

За этим должен последовать поцелуй. Алисса чувствует это: его привязанность, его заботу, клишированность ситуации в целом. Она готовится к неизбежному, и когда момент настает, не открывает губ перед настойчивым языком Марка. Она разрывает объятия. С этого ракурса голова Марка выглядит огромной. Почему ей кажется, что это она его успокаивает, а не наоборот?

– Марк, а у меня есть какой-нибудь дневник или что-то вроде?

– Не знаю. У тебя есть страничка на MyFace. Сейчас принесу терминал.

У Алиссы и впрямь есть страничка на MyFace. Имплантат залогинивает ее автоматически, и никаких паролей вспоминать не приходится. Марк хочет быть рядом, но Алисса изгоняет его из спальни. Изображение на мерцающем плазменном дисплее становится резче, и она видит вращающиеся 3D-аватары своих «френдов» в цифровой прихожей.

У Алиссы Сатклифф триста пятнадцать друзей. Она видит собственный аватар – улыбающийся, легкомысленный, не озабоченный ни потерей памяти, ни мужьями, которых не узнает.

По экрану ползет бесконечный поток бессмысленных апдейтов. Что это за общество такое, в котором люди настолько одиноки, что нуждаются в одобрении незнакомцев?

«Мой сын притворяется, что ему выпустили кишки!»

«Мои фотки из отпуска!»

«Насильник встретился лицом к лицу со своей обвинительницей: вы не поверите, что случилось дальше»

«Это странно»

«Кто на самом деле заправляет в Асо-Рок¹⁴?»

«Роузютер должен стать независимым городом-государством, как Ватикан, – ставьте лайк, если согласны»

«Самые стильные стриптизерши Нигерии»

Алисса просматривает список друзей. Ничего. Даже дежавю не появляется. Она заглядывает в личку. Первым ее внимание привлекает балансирующий на грани флирта обмен сообщениями с каким-то Эни Афени. Она возвращается к началу переписки. Та продолжалась больше года.

Эни: Важно то, что ты сама об этом думаешь.

Алисса: Я-то знаю, зачем все это, но ведь он мой муж. Почему я трачу столько времени и денег на прически, если он их не замечает?

Эни: Я бы заметил.

Алисса: Я знаю.

И еще:

Алисса: Дело в совместимости. Если ты чувствуешь, как он в тебя входит, а парень знает, что делает, обычно все получается.

Эни: Мальчики так не считают. Дело в размере. Останови меня, если информации будет слишком много.

Алисса: Лол! Не, все нормально. Теперь мне интересно.

Эни: Мне тоже. Мой интерес заметен невооруженным глазом.

Алисса: Э-э...

При виде этого Алисса морщится – как и от большей части переписки. В ней очень много нитья про Марка, хотя разговор никогда на нем не задерживается. Ей неловко читать неко-

¹⁴ Асо-рок – скала на окраине Абуджи, столицы Нигерии, местная достопримечательность, рядом с которой располагаются названная в ее честь резиденция президента, правительство и парламент Нигерии.

торые из сообщений, потому что они нелепы, но вины перед мужем она не испытывает и не узнает ту Алиссу, которая все это писала.

Алисса: мне плевать на политический феминизм. Я дерусь за свой уголок. Я впахиваю на работе, а потом возвращаюсь домой, к семье. Мне не нужно доказывать, что я Женщина™. С какого еще переугу?

Обновление статуса: люблю своего мужа!!! (В этой декларации чувствуется визгливое отчаяние. Отпугивала конкуренток? Напоминала Марку на случай, если он читает? Слабачка.)

Обновление статуса: Обновила прошивку на телефоне. Я (сердечко) новый интерфейс!

Обновление статуса: Уж простите, но я не стану голосовать, если в Асо-Рок заботятся только о благополучии чернокожих граждан. Я тоже имею значение! Я налоги плачу.

Обновление статуса...

Алисса потирает висок.

С Марком она в личке не переписывалась. Что он имел в виду, когда сказал «Я никуда не уйду»? У них были какие-то проблемы?

Знакомая тошнота возвращается, и Алисса бросается в ванную, но желудок ничего не исторгает. Тошнит ее душу, а не тело. Она пытается избавиться от чего-то нематериального. Ее захлестывают печаль и скорбь. В зеркале видно лицо Алиссы, и это не ее лицо.

– Иди на хуй, – говорит она.

Отражение издевается над ней, оставаясь Алиссой.

Она смотрит на свои ладони, разглядывает каждую в отдельности: линии, бороздки на кончиках пальцев, морщинки. Сдвигает кольца и видит под ними границы загара и поврежденную кожу. Царапает ее, но кожа слишком прочна.

Тошнота.

«Это не настоящее. Все это. Не настоящее».

Она хватает бутылочку духов и швыряет в зеркало; отражение разлетается осколками. Она подбирает самый большой, вспарывает им предплечье и, ошеломленная болью, ждет, когда покажется кровь.

Не настоящее.

Кровь выглядит вполне себе красной. Алисса раздвигает края разреза, алая жидкость стекает по руке на пол. Рана не очень глубокая, но все равно болезненная. Кровь не бьет пульсирующим фонтаном, а просто течет ручейком. Алисса не слышит, как стучат об пол капли, но знает, что они есть. А вот тошнота прошла.

Она скатывает салфетку в комок и зажимает им рану, а потом обматывает руку тряпкой, чтобы тот не выпал. Покопавшись в шкафчике, находит повязку получше, после чего отмывает кровавые отпечатки пальцев и натекшую на пол кровь. При каждом движении рана протестует, отзываясь болью, но Алисса не обращает на это внимания. Она переодевается в свитер с длинными рукавами.

Хотя бы в одном она уверена: она – не Алисса Сатклифф.

Это позволяет ей отстраниться и читать страничку на MyFace становится легче. Разговоры с Эни – *jejeje*, они ничего ей не дают. Какие-то друзья обсуждают совместные посиделки. Алисса жалуется подруге по имени Эстер на акцент Пэт. Оказывается, девочка говорит, как нигерийка, а сама Алисса родом из Англии, из Дорсета.

Эстер: Ну так она И ЕСТЬ нигерийка, Али. Как еще, по-твоему, она должна разговаривать?

Алисса: Не знаю. Я думала, она унаследует мою манеру.

Эстер: Ты в меньшинстве. Марк ведь тоже так разговаривает. Да и вообще: что плохого в том, чтобы звучать, как нигерийка?

Алисса: Ничего. Не знаю. Просто... просто хочется, чтобы твой ребенок говорил, как ты.

Позже до нее доносится смех с первого этажа; Алисса на цыпочках подкрадывается к лестнице и прислушивается. Марк что-то говорит низким голосом, и ему отвечает звонкое хихиканье Пэт. Алисса спускается на ступеньку ниже и садится на нее, наблюдая за отцом и дочерью. Пэт сидит у Марка на коленях, а он обнимает ее и что-то шепчет ей на ухо. Они выглядят невероятно счастливыми, и на мгновение Алиссе становится тепло.

Она может... остаться здесь. Жить в этой семье, притворяться миссис Алиссой Сатклифф, женой, матерью, администратором. Это хорошая семья и хорошая жизнь. Их добродушный смех тому порукой.

Алисса прогоняет эту мысль. Это была бы ложь, а она – та, кто она на самом деле, – предпочитает правду. Она во всем разберется, чего бы ей это ни стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.